

Екатерина ШАШКОВА

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ИСТОКА

«Исток», часть третья

16+

Исток

Екатерина Шашкова

Обратная сторона Истока

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шашкова Е.

Обратная сторона Истока / Е. Шашкова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Исток)

В Истоке царят мир и покой. Нина пытается совмещать работу с учёбой, Алина привыкает жить без магии, а Ракун - без зрения. Преступники пойманы (хоть и не все), проблемы решены (частично), ответы на вопросы получены (не полностью). Хотелось бы выдохнуть и расслабиться, но тревога нарастает. Чувствуется - сейчас рванёт. Рвануло! Теперь в Истоке нет короля. А также мира и покоя.

Содержание

Глава первая, в которой политологию изучают на практике	7
Глава вторая, в которой вспоминают прошлое и думают о будущем	13
Глава третья, в которой Алина теряет веру в людей и находит марту	22
Глава четвёртая, в которой дружеские посиделки заканчиваются внезапным образом	32
Глава пятая, в которой повторяется старая история	40
Глава шестая, в которой Долан замечает знакомые черты в некой девушке	51
Глава седьмая, в которой говорят о социальном неравенстве	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Екатерина Шашкова

Обратная сторона Истока

Пролог, в котором решается судьба одного человека и целого мира
(сорок шесть лет назад)

Бывает так, что один случайный поступок влечёт за собой другой, потом третий, и вот над тобой уже нависает целая гора проблем, грозя в любой момент накрыть безумной лавиной.

Хорошо, когда ситуацию можно списать на молодость и неопытность. Гораздо хуже, если ты всю жизнь учишься просчитывать каждое действие и держать себя в руках, вполне представляешь последствия возможной ошибки... и всё равно совершаешь её. Самую страшную, непоправимую.

И всё! Дальше идти некуда. Любой шаг – неправильный, любое движение – фатально, и ты уже не мечтаешь поступить верно, а лишь тщетно пытаешься свести неприятности к минимуму, чтобы пострадало как можно меньше людей.

А что в итоге?

В итоге ты стоишь посреди улицы, натянув на голову капюшон, а на лицо – шарф. Не для того, чтобы не опознали (хотя и это, конечно, тоже), а потому, что вокруг совершенно безумная метель, когда дальше вытянутой руки ничего не видно, и колючие хлопья лезут в глаза, налипают на ресницы, забиваются под воротник.

Рядом никого. Наверное, это хорошо.

Никого, кто смог бы остановить, удержать, схватить за руку в решающий момент. Это плохо.

И неизвестно, чем всё обернётся. Для тебя – и для младенца, который спит у тебя на руках. Крошечный, беззащитный, завернутый в целый ворох одеял, чтобы не замёрз в такую погоду. У него нет дома, нет имени, а совсем скоро не будет и матери.

Для его же блага!

Он никогда не простит ей этот поступок. Невозможно простить человека, отказавшегося от собственного ребёнка.

Он никогда не поверит, что она пошла на это ради его спасения.

Он никогда не узнает, что за сила таится в его крови.

Крыльцо приюта засыпано снегом.

На секунду уставшей женщине кажется, что она не сможет этого сделать. Просто не сможет. Нельзя же положить ребёнка в сугроб, да?

К счастью (или к несчастью?) неподалёку валяется большая коробка, ещё хранящая запах слобы и домашнего уюта. Должно быть, принесло ветром от кондитерской. Ну что ж, послужит колыбелькой. И по размеру как раз подходит.

Женщина опускает ребёнка в коробку, ставит её перед дверью, дёргает за шнурок звонка и торопливо уходит. Но в последний момент не выдерживает, оборачивается ещё раз посмотреть на сына.

Если всё пойдёт по плану, то она больше никогда его не увидит. А если и увидит – не узнает. Мало ли мальчишек на улицах?

Дверь открывается, слышится приглушённое: «Да сколько можно!», – но затем импровизированную колыбель быстро втаскивают внутрь. На мгновение в луче света мелькает яркий бок коробки с надписью «Пекарня “Сильвестр и сыновья”».

А затем снова лязгает засов.

Всё.

Вот теперь – точно всё.

Глава первая, в которой политологию изучают на практике

– Я попал! – провозгласил Ракун ещё до того, как Нина успела разглядеть пробоину в мишени. Не в центре, конечно, но очень близко к нему.

– Да ладно? – недоверчиво сощурился Силь.

Именно он настоял на том, чтобы затащить магоса в тир. Нина увязалась следом – любопытно же! Да и спешить некуда, день выдался спокойный: в школе всего пара проходных лекций, на работе вообще затишье, словно с наступлением лета все жители Истока впали в спячку или уехали в Викену, где и воздух почище, и пляжи получше.

А ещё тир находился в одном из многочисленных подвалов разведуправления, и там было гораздо прохладнее, чем в душных, прогретых за день кабинетах.

Так почему бы не развлечься, наблюдая за стрельбой?

Ракун огнестрельное оружие недолюбливал и не слишком ему доверял, хотя пользоваться умел. С заданием разобрать-собрать-зарядить он и вслепую без проблем справился, даже после того, как прилежно снял с себя все арфактумы. А вот в то, что выстрел попадёт в цель, никто особо не верил.

Как выяснилось, зря.

– Теперь можно идти домой? – взмолился магос.

– Ещё пара попыток для чистоты эксперимента, – настоял Силь. – Готов?

Ракун кивнул.

Его друг вытащил из кармана небольшой камушек и швырнул в мишень – уже другую, соседнюю.

Камень глухо ударился о пробковую доску, причём угодил точно в центр, хотя Силь вроде бы и не целился.

Ракун немедленно повернул голову на звук, вскинул пистолет – и снова попал.

– Как ты это делаешь? – удивилась Нина.

Она и с открытыми-то глазами умудрялась промахиваться, что уж говорить о такой вот стрельбе наугад. Благо, от неё на работе в основном другие навыки требовались, гораздо более мирные.

– Сейчас объясню. – Силь переместился за спину друга и рывком сдёрнул с его хвоста резинку, украшенную небольшой деревянной бусиной, почти невидимой на фоне волос. – Он жульничает!

– Жульничаю! – не смутился магос. – Потому что ты издеваешься!

– Не издеваюсь, а хочу повысить вероятность твоего выживания. Если ты вдруг попадёшь в передрагу и останешься без магии...

– Скорей уж я без оружия останусь! Это гораздо чаще случается! Так что прекрати требовать невозможного.

– Невозможного? – В голосе Силя послышались неприятные металлические нотки.

В такие моменты Нина невольно вспоминала, что миловидный подросток на самом деле высококлассный убийца с весьма своеобразной репутацией. И то, что последние лет десять он провёл в кабинете, перебирая бумажки, на навыках не особо сказалось.

Байки о буйном прошлом замглавы управления ходили самые разные. Одни напоминали анекдоты, другие – голливудские боевики, третьи – мрачные нуарные детективы, где много выпивки, секса, крови, а к финалу умирают все, кроме главного героя.

Некоторые из этих историй были правдивыми, но чаще встречались пустые домыслы и слухи – ничем не обоснованные, откровенно глупые, но очень живучие. Например, версий, почему Силь выглядит ребёнком, насчитывалось не меньше десятка.

Правильная не прозвучала ни разу.

Стажёрка Сандра из аналитического отдела выслушивала всё это, удивлённо распахивая глаза и вздыхая в нужных местах, а вечерами пересказывала самые интересные моменты Ракуну, а иногда и самому Силю, если к слову приходилось. Тот искренне наслаждался каждой свежей сплетней, и создавалось впечатление, что именно он часть этих глупостей и придумал. Чтобы удобнее было прятать правду.

Сейчас скрываться было не от кого, в тире они находились втроём. Поэтому Силь просто отдал Нине резинку с бусиной, забрал у Ракуна оружие, крепко закрыл глаза и велел:

– Раскручивай.

– Как скажешь, – не стал спорить магос и послушно взял друга за плечи, заставляя несколько раз повернуться вокруг своей оси. При этом Ракун двигался вокруг него, так что очень скоро восстановить изначальное положение в пространстве стало невозможно. – Хватит? А то я уже сам забыл, что в какой стороне.

– Хватит, – кивнул Силь. Спокойно поднял пистолет и тремя уверенными выстрелами поразил все три мишени, которые в этот момент оказались сбоку от него.

– В яблочко, – прокомментировала Нина.

– Я знаю. Теперь на звук.

Нина пошарила по карманам, выудила ластик и, широко размахнувшись, швырнула его вперёд. Целиться даже не пыталась, всё равно попадёт куда угодно, кроме мишени. Так и вышло: стёрка, не долетев до стены, ударилась об пол и отскочила в угол.

Два выстрела прозвучали почти одновременно: первая пуля угодила в место отскока, вторая – точно в ластик.

– Примерно так. – Силь вернул другу пистолет. – Перезаряди. И будешь тренироваться до тех пор, пока не приблизишься к этому результату.

– То есть я заперт здесь до скончания века? Боюсь, моя женщина этого не одобрит.

Нина печально вздохнула, но вовсе не от перспективы замуровать Ракуна в тире. Последние несколько месяцев она упрямо пыталась приучить магоса называть её по имени. Наедине такое изредка случалось, прилюдно – почти никогда.

Вот и что с ним делать? Не кормить? Арфактумы прятать, пока не начнёт вести себя прилично? Так ведь жалко, он без них как без глаз! В самом прямом смысле.

Бусина приятно холодила пальцы. Интересно, как она вообще работает?

Нина давно хотела попробовать, но руки всё никак не доходили. Поэтому сейчас она не стала терять время, зажмурилась и активировала схему.

Мир преобразился, словно на него смотрели через тепловизор. Красные пятна, белые полосы, холодная непроглядная темнота в районе бетонных стен, раскалившийся ствол пистолета, тёплое мерцание пулевых отверстий в мишенях. И почему-то никаких людей. Нина слышала ворчание Ракуна и спокойные ответы Силя, различала прохладный браслет часов на своём запястье и нагревшуюся костяную подвеску на груди магоса, но не видела даже смутного мерцания на месте собеседников, будто их и не было вовсе.

Для распознавания людей существовали другие арфактумы, как и для анализа материалов, определения расстояний и ещё множества разнообразных случаев. Нина с трудом представляла, как можно ориентироваться с помощью этого хаотичного мельтешения, возникающего прямо в голове, но Ракун как-то справлялся. Правда, цвета, рисунки и письменный текст он всё равно не различал (чем бесстыдно пользовались студенты), зато отлично улавливал частоту пульса и мог смело работать детектором лжи (чем нагло пользовался сам против тех же студентов).

Цветные пятна «тепловизора» вдруг коротко мигнули и погасли.

Странно...

Нина прикоснулась к своей подвеске, усиливая контакт, но магический камень в ответ ударил током так, что пальцы свело и дыхание перехватило.

– Да чтоб вас! – ругнулся Ракун.

Нина открыла глаза как раз вовремя, чтобы заметить, как магос нервно потирает ухо. Видимо, его серёжка тоже решила посвоевольничать.

– Что это было? – Нина снова дотронулась до камня кончиками пальцев, но в этот раз он вёл себя прилично.

– Не знаю, первый раз такое. – Магос торопливо цапнул со стола арфактумы, сложенные там перед стрельбой. – Сейчас вроде всё работает. Бусину отдай. Мелкий, ты ничего странного не заметил?

– Как тебе сказать... – сдавленно пробормотал Силь.

Нина обернулась к начальнику и увидела, что он цепляется за стену, пытаясь не упасть. Лицо у него сделалось такого же известково-серого цвета, как та самая стена. Ярким пятном выделялась текущая из носа кровь.

Ракун среагировал первым. Подхватил, усадил на пол, встревоженно ощупал.

– Что с тобой?

– Ничего, сейчас пройдёт. – Силь запрокинул голову и зажал пальцами переносицу. Нина протянула ему платок, и тот сразу же пропитался кровью.

Что вообще произошло?

На ум приходила только какая-нибудь странная волшебная атака, которую камни по мере сил отразили, а человек, лишённый магии, ощутил в полном объёме.

Но разве бывает такое? Даже проклятия адресуются конкретному лицу, а не нескольким. По крайней мере, о других вариантах Нина никогда не слышала.

– Я позову врача, – решила она.

– Не надо. – Силь попытался найти на платке чистое место, но быстро понял, что это бесполезно. Проще было зажимать нос сразу рубашкой, всё равно на ней уже расцвели алые пятна. – Лучше передайте Ирме, чтобы собрала всю информацию по сегодняшнему визиту. Маршрут движения, расписание, отступления от него, сопровождение, внезапно заболевшая прислуга... В общем, сама разберётся.

– Какому визиту? – удивилась Нина.

– Неважно, она в курсе, пусть работает. Я подойду позже.

Официально приёмом и охраной высокопоставленных лиц разведуправление не занималось, хотя, конечно, отслеживало все их перемещения, особенно когда речь шла о гостях из других миров. Иногда подробности таких визитов знали все, включая дворника и буфетчицу, а иногда – только избранные. Видимо, сейчас речь шла о втором варианте.

Что ж, если этот белобрысый трудоголик считает, что работа важнее здоровья, придётся бежать к Ирме. В крайнем случае, у неё аптечка есть.

Но не успела Нина выйти в коридор, как поняла, что торопиться уже никуда не надо. Навстречу мчалась та самая Ирма, секретарь Силя. И вид растрёпанной запыхавшейся девушки ничего хорошего не предвещал.

– Шеф там? – Она кивнула на дверь тира и, не дожидаясь ответа, заглянула внутрь. И замерла на пороге, переваривая увиденное. – Что случилось?

– Это я хотел бы знать, что случилось. Докладывай, – велел Силь, старательно пытаясь принять деловой вид. Вышло не очень: кровь почти унялась, но красно-бурые разводы на бледном лице никуда не делись, из-за чего начальник походил на вампира, которого не вовремя оторвали от жертвы.

– Полчаса назад в одном из залов исторического музея что-то взорвалось. Как раз в то время, когда... – Ирма осеклась и выразительно покосилась на Нину и Ракуна. Подробности явно не предназначались для посторонних.

– Продолжай, – поторопил шеф. – Всё равно утром объявят официально.

– Да нечего продолжать-то, – пожалала плечами секретарь. – Причины взрыва выясняют. Завалы разбирают. Живых ищут, но пока без особых успехов. Хотя говорят, что шансы есть.

– Никаких шансов, – покачал головой Силь.

Нине показалось, что эти слова стоили ему огромных усилий. Не физических, а моральных. Кто бы ни находился в музее в момент взрыва, его жизнь значила для замглавы управления очень много.

И для Ирмы тоже. Её лицо оставалось профессионально-бесстрастным, но верхнюю пуговицу на блузке секретарь дёрнула так, словно боялась задохнуться. И с трудом выдавила:

– Вы не можете знать точно.

– Считай, что я пессимист и рассматриваю самый неблагоприятный вариант. Леде сообщили?

– Первым делом. Это я вас найти не могла, все этажи оббегала. Просила же не исчезать без предупреждения! Даже если меня нет на месте, неужели так сложно оставить записку, где вас искать?

– Напомни, кто из нас кем командует? – слабо улыбнулся Силь, протягивая руку.

– Командуете вы, а с последствиями разбираюсь почему-то я. – Ирма с готовностью сжала окровавленную ладонь шефа, помогая ему подняться. – Что вот нам теперь со всем этим делать?

– Работать. Потом выпить кофе – и работать дальше, чтобы к утру иметь ответы на все вопросы. Или хотя бы запас правдоподобных версий для журналистов и Совета магнатов.

– То есть спать сегодня не придётся? – встрепенулся Ракун, довольный, что нашёлся повод удрать из тира.

– Мне – точно нет. Сандре тоже дело найдём. А ты можешь быть свободен.

– Это такой вежливый способ сказать, что от меня нет толку? – нахмурился магос.

– Это способ напомнить, что у тебя есть другая работа. Занимайся ей и не лезь в дела управления, ты отсюда уже почти три месяца как уволен. Кстати, выходить лучше через чёрный ход – у главного сейчас наверняка журналисты толпятся.

– И тебе не кажется странным, что журналисты в курсе, что случилось, а я – нет? Не хочешь объяснить?

– Позже.

И Силь, не слушая возражений, вышел из тира. Дождавшись, пока за ним и Ирмой закроется дверь, Нина осторожно взяла Ракуна за руку:

– Послушай...

– Если ты собралась его оправдывать, то лучше не начинай. Я и так знаю, что гожусь сейчас только на то, чтобы лодку туда-сюда гонять.

– Я просто хотела сказать, что «позже» – это всё-таки лучше, чем никогда. И я обязательно перескажу тебе все новости.

– Если бы он хотел, чтобы я их знал, не гнал бы вон. Так что пусть подавится своими тайнами, конспиратор чёртов. – Магос раздражённо пнул дверь. Та немедленно распахнулась наружу, едва не задев Силю.

Он стоял, небрежно прислонившись к стене, и прекрасно слышал весь разговор. И даже не пытался это скрыть, в отличие от Ирмы, которая с преувеличенным любопытством изучала собственные туфли.

– Всё высказал? – спокойно спросил друга начальник управления.

– Да пошёл ты, – буркнул Ракун, устремляясь вперёд по коридору.

В последнее время вспышки гнева случались с магосом всё чаще и чаще. Арфактумы позволяли ему ориентироваться в пространстве, но не существовало такой магии, которая помогла бы разобраться в себе. И с этим Нина совершенно ничего не могла сделать, разве что быть рядом. Но нельзя же всё бросить и рвануть следом!

– Я попытаюсь освободиться побыстрее! – крикнула она вдогонку.

– Можешь не торопиться. Здесь ты явно нужнее.

Да уж, лучше бы промолчала.

– Сандра, пойдёмте. У нас много работы, – тихо напомнил Силь.

– Простите его. На самом деле он не хотел грубить, – невпопад ответила Нина.

– Ещё как хотел! Но я его столько лет знаю, что уже давно простил за всё оптом. Пойдёмте.

Проснувшись, Алина первым делом осмотрела пальцы и недовольно поморщилась, обнаружив под ногтями кровь. На подушке тоже темнело несколько пятен. Так и есть, опять расчесала во сне шею!

Отметины, оставшиеся после весенних событий, так и не зажили до конца.

Отчасти девушка была сама в этом виновата, раз за разом сдирая подсохшие болячки. Но что делать, если стоит задуматься или разволноваться, и руки сами тянутся к повреждённым местам? Не ходить же в ошейнике и перчатках!

Она бы, может, и ходила, не выгляди это слишком экстравагантно. Конечно, в мультикультурном Истоке одевались и похлеще, но обычно поступали так для того, чтобы привлечь внимание. Алина же, наоборот, хотела спрятаться от чужих взглядов, забиться в самый тёмный угол и ни с кем не общаться. Поэтому в её гардеробе появились кофты с высоким воротником и длинными рукавами, шейные платки, шарфы...

А потом на смену прохладной и дождливой весне пришло душное лето.

Летом в шарфе не больно-то ходишь!

В стену над кроватью что-то гулко ударило со стороны соседней комнаты.

– Я не сплю! – крикнула в ответ Алина, изо всех сил борясь с желанием натянуть на голову одеяло.

В последнее время однокурсница Лиза взяла над соседкой шефство и теперь каждое утро будила её перед занятиями таким вот нехитрым способом. Благо, стены в общежитии особой толщиной и звукоизоляцией не отличались.

– Полчаса до политологии! Ты встала? – не унималась подруга.

– Да.

– Точно?

– Да... – Алина перекатилась на другой край кровати, подальше от требовательной стенки. – Почти.

– Зайду через пятнадцать минут! – объявила Лиза и наконец-то замолчала, не дожидаясь, пока о тишине взмолятся жители всех ближайших комнат.

За окном издевательски ярко светило солнце, зеленели парковые деревья и серебрились крыши учебных и исследовательских корпусов.

– Отвратительно, – прошипела Алина, и всё-таки сползла с кровати – напрямиком к зеркалу, оценить нанесённый шее ущерб.

Ничего, жить можно. Под тонкой косынкой почти незаметно будет. Найти бы её ещё...

В пятнадцать минут девушка, конечно, не уложилась, но через двадцать была вполне готова к визиту соседки. Только вот Лиза почему-то задерживалась, хотя обычно начинала

дубасить в дверь даже раньше времени. В итоге Алина сама выглянула в коридор – и наткнулась на бредущую по проходу Нину.

И всё бы ничего, только шла она не к выходу, а в противоположном направлении. И, судя по помятому виду, ещё не ложилась.

Завидев племянницу, тётушка с трудом подавила зевок и натянуто улыбнулась:

– Утро! Не помнишь, что у нас там первым уроком?

– Политология. – Браслет завибрировал, и Алина скользнула по нему взглядом. Кому в такую рань неймётся?

Хотя глупый вопрос, конечно. Писали ей только Лиза, Нина и Ракун, и первым двум точно не было никакого смысла делать это именно сейчас. Оставался только дядюшка.

«Отправь её в постель!» – лаконично велела надпись. Надо же, как своевременно.

– Я же не опаздываю? – Нина покосилась на часы. – Подожди чуток, сейчас за тетрадками заскочу, умоюсь – и вместе пойдём.

– Какие тетрадки? Ты себя видела? Иди спать, потом у меня конспекты перепишешь, и всё. Да и чего ты там не знаешь?

– Мало ли... Вдруг что-нибудь важное скажут.

– Всё важное уже сказали. – Лиза выглянула в коридор, потрясая газетой. – Новости слышали?

– Слышали, видели и всю ночь обсуждали, – зевнула Нина, даже не пытаясь вчитываться в заголовки. – Ладно, если на занятиях будут отмечать, скажите, что у меня политология уже была – и лекция, и практика, и чёрт знает что ещё. И часа через четыре снова начнётся. Надо было слушать умных людей и спать прямо там – только зря время потратила, пока туда-сюда моталась.

– Так ты с работы, что ли? – сообразила Алина.

– Нет, из круглосуточной библиотеки! – хмыкнула тётя и, махнув на прощанье рукой, направилась к своей комнате.

– Слушай, а где она работает-то? – удивилась Лиза, толкая подругу локтем.

– Да какая разница?! Скажи лучше, что случилось?

Вместо ответа перед Алиной развернули газету и ткнули носом в фотографию каких-то развалин, занимавшую всю первую полосу.

– Недостаточно живописно, чтобы быть памятником архитектуры, – прокомментировала девушка.

– Да не туда смотри! Текст читай! У нас короля взорвали!

– О! – выдавила Алина. Других слов в голову не пришло. Разве что лёгкое запоздалое удивление, что на троне Истока всё-таки сидит король, а не какой-нибудь император. А то всё время забывала уточнить.

– И младшую наследницу!

– Ого! И что теперь будет?

– Да ничего особенного. Траур переждут, потом вторую принцессу коронуют, – пожалала плечами Лиза. После чего оглянулась по сторонам, не подслушивает ли кто, и шёпотом добавила: – А ещё будут долго искать виновных. Почти наверняка не найдут, но кого-нибудь всё равно поймают и накажут. Ладно, пошли быстрее, а то на занятия опоздаем.

Глава вторая, в которой вспоминают прошлое и думают о будущем

Ракун, развалившись на кровати, с нахальной улыбкой пялился в потолок.

По крайней мере, выглядело это именно так. На самом деле он, конечно, никуда не смотрел, а в душе ещё и не слишком улыбался. Уж отличать настоящую улыбку от демонстративной Нина давно научилась.

Осталось научиться не удивляться, обнаруживая этого сумасшедшего енота в самых неподходящих местах.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела она, торопливо прикрывая дверь, чтобы из коридора не заметили неурочного гостя.

– Лежу, – спокойно ответил магос и похлопал ладонью по кровати, приглашая присоединиться. Нина не стала спорить и устроилась рядом. После рабочей нервотрёпки чувствовать родное тепло было особенно приятно, хоть и неожиданно.

Ракун слегка повернулся, прижал подругу к себе и уткнулся носом ей в макушку. Вслух просить прощения за своё поведение в тире он не собирался, но явно чувствовал себя виноватым.

Нине тоже не хотелось лишний раз вспоминать о конфликте, поэтому она задала самый нейтральный вопрос, какой смогла придумать:

– Как ты сюда попал? Уболтал коменданта? Или заколдовал?

– Вот ещё, время на него тратить! В окошко влез.

– Третий этаж!

– Всего-то! И не заперто. – Голос магоса стал строже. – Зря не запираешь, кстати. А вдруг кто чужой заглянет?

– Ну и пусть заглядывает. Служебные документы я домой не ношу, а больше тут брать нечего. Вряд ли кого-то заинтересуют мои школьные конспекты.

– Иногда вещи не только забирают, но и подбрасывают. Всему тебя учить надо. Как будто забыла, где работаешь.

– Забудешь об этом, как же... Особенно после сегодняшнего. – Надежда не говорить о проблемах с треском развалилась на части. – Ты ведь уже в курсе, что стряслось?

– Да. Походил, поспрашивал. У нас крупные неприятности. То есть у вас. Меня-то уволили. – В словах Ракуна явственно чувствовался налёт горечи.

– Не начинай, пожалуйста, – попросила Нина. – Знаешь же, что официальная отставка – единственный способ устроить тебя на другую работу так, чтобы никто не прикопался.

– Скорей уж, единственный способ не говорить открытым текстом о моей бесполезности. В итоге я, как идиот, вынужден торчать в долбаной школе, в которой ничего не происходит!

– Силь уверен, что происходит.

– Силь уверен, что меня надо держать подальше от настоящих проблем. Думаешь, я дурак и не понимаю? Вот зачем он меня сегодня... то есть, уже вчера выгнал?

– Потому что спустя несколько минут в управлении начался локальный апокалипсис. Крики, вопли, срочные курьеры, вызванные из отпусков работники и прочие прелести жизни. Потом заявила инспекция от Совета магнатов и пошла совать нос во все кабинеты. Не знаю, что искали, но, видимо, не нашли. Очень взбесились. Пытались наезжать на Леду, но она сказала, что работа управления вообще не в их компетенции. Они ещё немного побухтели и ушли. Очень хотелось подбросить им какое-нибудь проклятие, честно говоря. Или хоть плюнуть вдогонку. Вот ты бы что сделал?

– Я бы... – Ракун ненадолго задумался. – Я бы их с лестницы спустил. С центральной. Возможно, вместе с перилами – всё равно их уже давно ремонтировать пора.

– Вот поэтому тебя и отправили домой. Ради сохранности казённого имущества и твоей собственной безопасности.

– Меня больше волнует твоя безопасность. Ты ведь ничего не успела натворить? – Нина промолчала, и магос, не дождавшись ответа, сжал её в объятьях так, словно собрался защищать от всего света, причём немедленно. – Пожалуйста, скажи, что ничего не сделала этим проверяющим?!

– Да что я могла сделать? Они со мной и не общались. Я стажёр, работающий на полставки, низшая ступень карьерной лестницы. Ничего не знаю, ничего не умею.

– Если бы ничего не умела, Силь не задержал бы тебя до утра. Совсем рехнулся! Сам готов жить на работе, и других заставляет.

Нина усмехнулась про себя, вспомнив, что всего несколько месяцев назад Ракун и сам порой не появлялся дома целыми днями, а то и неделями. Да и после отставки иногда срывался с места, если возникала необходимость срочно кого-нибудь отвезти или привезти.

Значит, когда его дома ждут и волнуются – это нормально. А когда наоборот – сразу повод для ворчания и беспокойства.

Но ведь он действительно беспокоился, иначе не караулил бы в общаге ночь напролёт. Осознавать это было очень приятно, хоть и слегка стыдно, потому что сама Нина домой не торопилась.

– Меня отпустили четыре часа назад, – созналась она, хотя совсем недавно планировала молчать о спонтанной вылазке.

– И где ты была? – напрягся магос.

Ага! Не только беспокоится, но ещё и ревнует. Как будто она когда-нибудь давала для этого повод.

– В библиотеке. Хотела кое-что проверить.

– Сейчас? Там же закрыто!

– Если бы ты хоть раз в жизни туда сунулся, то знал бы, что она круглосуточная и ночами там полно студентов, которые готовятся к экзаменам. Никто же заранее не учит, всё в последний момент. Так что я спокойно обложила книжками и устроила небольшое расследование.

– И? Что нарыла? – Ракун аж заёрзал от нетерпения.

– Не торопись. Сначала ответь на один вопрос: про родителей Силя совсем ничего не известно?

– Мне – нет. Алексу, насколько я знаю, тоже. А что?

– А то! Его кровь. Помнишь, Рауд весной говорил, что она особенная? Я долго пыталась понять, что он имел в виду, но никаких зацепок не было. А сегодня появились.

– Выжала что-нибудь интересное из окровавленного платка?

– Нет, я же не химик. Хотя идея хорошая. – Нина мысленно добавила в ежедневник пункт «Забежать к экспертам и уломать их на пару тестов».

Главное – не говорить, чья кровь на платке. Тайна – она на то и тайна.

Или вообще не стоит своевольничать? Мало ли как аукнется...

Может, и Ракуну лучше не знать?

Но желание поделиться результатами библиотечных исследований буквально распирало.

– Женщина, не спи! – Ракун потряс подругу за плечо.

– Я не сплю, я думаю, – отмахнулась Нина. И всё-таки решилась. – Вспомни, как Силь себя вёл сегодня. Он ведь о смерти короля не от Ирмы узнал. Наоборот, он сам ей сказал, что шансов нет. И понял он это именно тогда, когда ему стало плохо.

– Но взрыв произошёл за полчаса до этого. Как-то не вяжется одно с другим.

– Вполне вяжется. Видимо, сразу после взрыва король был ещё жив, а умер именно в тот момент.

– А сбойнувшие арфактумы? Я спрашивал у знакомых – никто ничего не заметил. Что бы это ни было – оно ударило только по нам.

– Я к тому и веду. Слушай, что нашла: законный правитель Истока несёт в своей крови такую концентрацию магии, что арфактумы при его приближении перестают работать. Когда правитель умирает, эта особенность переходит к наследнику – младшему в роду. Но если прямого наследника нет, то начинаются какие-то странные генеалогические маршруты, в них чёт ногу сломит.

– Тоже мне, новость! Это все знают!

– Не все! Спорим, Алинка не знает? Нам на лекциях по теории магии говорили, но она же наверняка всё пропустила. Ну да не о том речь, слушай дальше. – Нина прикрыла глаза, вспоминая прочитанное в библиотеке. – Важно другое: когда сила ищет наследника, все близкие родственники покойного короля испытывают недомогание разной степени. Чем ближе родство – тем ощутимее воздействие. И именно тогда арфактумы поблизости от них ведут себя странно. Понимаешь теперь, что произошло?

Ракун ошалело потряс головой, приводя мысли в порядок, и спросил шёпотом:

– То есть ты сейчас пытаешься подвести меня к мысли, что наш Силь – близкий родственник короля?

– Ну да, – ответила Нина. Почему-то тоже шёпотом.

– И сам он об этом прекрасно знает, иначе не сообразил бы, что произошло?

– Да.

– Я его убью! – стукнул кулаком по ладони магос.

– За что?

– За то, что молчал.

– Скорее, он тебя убьёт, как только поймёт, что ты в курсе. И меня заодно. Если он так тщательно всё скрывает – значит, есть веские причины.

– Или ему просто нравится городить вокруг себя тайны, – фыркнул Ракун. – Серьёзно, вот зачем он проклятие скрывал?

– Не хотел, чтобы посторонние видели его слабым и уязвимым, – предположила Нина. И вдруг осеклась, вспомнив, как познакомилась с Силем. Как раз в разгар очередного приступа. – Слушай, а я ведь угадала! Когда впервые его увидела, помнишь? Почему-то само пришло в голову, что он принц.

– Да ты пророк! Бросай разведку и открывай гадальный салон. И нервы будут целее, и кошелёк полнее, и хоть какая-то уверенность в завтрашнем дне появится.

– Тебе бы всё шуточки! А я так странно себя чувствую... Вроде бы докопалась до правды, но понятия не имею, что с ней делать и что дальше будет.

– Что будет? – Магос неохотно выпустил подругу из объятий, откинул крышку часов и скользнул пальцами по стрелкам. – Ты выкинешь из головы все дурные мысли и уснёшь. А я пойду на занятия. У третьего курса экзамен на носу, а они до сих пор магические миры от технологических не отличают.

– Все студенты одинаковые, – вздохнула Нина.

Отпустить Ракуна не хотелось. Лежать с ним в обнимку было уютно и легко, даже о проблемах думалось как-то вскользь. А стоит остаться одной – и мозг вспухнет от нерешённых рабочих вопросов и всяких сопутствующих мыслей. Например...

– Ты, кстати, знал, что охраной королевской семьи занимается управление разведки? И вся ответственность за взрыв теперь лежит на нас?

– Никогда об этом не думал, – сознался магос. – А королевская гвардия тогда зачем? Ходить в красивой форме и смотреть на всех свысока?

– А гвардия – наше подразделение, оказывается.

– С какого перепугу? Они же всегда были сами по себе!

– Все так думают. И в должностных инструкциях ничего про них нет, по крайней мере, в моих. А теперь вот выясняется, что гвардейцы – только исполнители, а виновато во всём руководство. Наше общее. То есть Леда.

– Леда и один белобрысый недоросль, – уточнил Ракурн. И, судя по тону, на Силя он всё ещё слегка злился.

– Да кто бы ни был! Всё равно это какая-то бессмысленная конспирация и перекладывание ответственности. Не проще ли было какой-нибудь отряд милиции зарезервировать под это дело или вовсе отдельную службу создать? И почему это всё выясняется только в критической ситуации? – не унималась Нина.

– Наверное, потому что это тайна. Как мы выяснили, кое-кто очень любит разводить секретность на пустом месте. – Магос с напускным безразличием пожал плечами и спустил ноги с кровати.

– Но ведь не Силь же это придумал! Он и заместителем Леды-то стал... Сколько? Лет десять назад?

– Нет, вроде чуть больше... Ладно, неважно. Значит, так исторически сложилось. И не факт, что есть конкретная причина. Просто кому-то захотелось добавить интриги. Монархи же! Вокруг них вообще сплошные недомолвки!

– Вот именно! Никто не знает, как выглядит король, как его зовут и где он живёт. О чём он думает? Во что верит? Чем занимается? Мы подчиняемся человеку в маске, о котором не знаем совершенно ничего!

– Мы подчиняемся Совету магнатов, – поправил Ракурн. – Король – только символ. Такая же стародавняя реликвия, как и его маска. Так что не принимай всё происходящее близко к сердцу. Проверки закончатся, шумиха пройдёт, люди угомонятся. Всё станет как раньше. Спи.

Нина послушно закрыла глаза, хотя внутренний голос всё ещё продолжал спорить и придумывать аргументы.

Магос прошлёпал в ванную, и вскоре оттуда донёсся плеск воды. И вопль, полный удивления, обиды и праведного гнева:

– Женщина! Ты издеваешься? Опять шампунь с корицей?!

– С корицей, гвоздикой и цитрусовым маслом, – поправила Нина.

И незаметно для самой себя провалилась в сон.

* * *

Политолога где-то носило, но, вопреки обыкновению, никто не торопился удрать из душного лекционного зала в более уютное место. Студенты, разбившись на группки, обсуждали свежие новости. До взорвавшегося музея было совсем недалеко, некоторые даже успели с утра сбегать на место трагедии и теперь делились впечатлениями, остальные просто шуршали газетами или вспоминали всё, что знали о королевской семье. Точнее, чего не знали.

Как выяснилось, Алина была далеко не одинока в своём неведении. Королевская власть в Истоке оказалась какой-то очень уж незаметной, практически невидимой. И сейчас основной интерес вызывали два вопроса: как выглядел покойный король и как его звали.

– Обычно имя оглашают на похоронах, – объяснил усатый мужик, которого Алина за весь год видела всего несколько раз, да и то мельком. На практических занятиях он появлялся нечасто, на теоретических – и того реже, но каким-то образом умудрялся сдавать все экзамены на высший балл. – И лицо тоже открывают для всех желающих. Раньше очередь посмотреть на покойного занимала всю Прощальную улицу от центральной площади и до поворота на торговые ряды. Собственно, улицу Прощальной и назвали именно потому, что по ней шли те,

кто хотел проститься с монархом. Потом, когда появились фотоаппараты, такого ажиотажа уже не было. Зачем столько времени стоять в толпе, если всё на снимках можно увидеть? Хотя в этот раз не знаю, станут ли маску снимать. Там, может, и лица-то никакого нет после взрыва.

– Ох, такой ужас, такой ужас! – перебила Регина Нистор, дама весьма пожилая и крайне эмоциональная. – А ведь я как раз собиралась показать внучатой племяннице музей! Как представлю, что могла бы находиться там в этот момент... Ох, нет, не могу даже думать об этом! Такая трагедия, такая трагедия! Семнадцать человек, говорят, погибло!

– И бессчётное количество экспонатов, – добавил усач.

– Как можно вспоминать об этой ерунде, когда речь идёт о людях?! О живых людях! – вознегодовала госпожа Нистор.

– О мертвых людях, – поправил её оппонент. – И это не ерунда, а уникальные находки, обнаруженные на месте одного из древнейших храмов Истока. Некоторые даже с росписью! Бесценное наследие прошлого! Невосполнимая утрата для мировой культуры!

– Король – утрата!

– Короли во все времена умирали и будут умирать. А этим экспонатам несколько тысяч лет!

– Вы сумасшедший!

– Я историк! – горделиво ответил усач и перешёл на другой конец аудитории, потирая зарождающуюся лысину.

Лиза побежала следом не то утешить, не то уточнить про экспонаты – разве ж этих отличников разберёшь! Алина думала присоединиться к подруге, но не решилась отойти от словоохотливой госпожи Нистор. Уж больно интересные вещи она рассказывала, хоть и перемежала их постоянными охами-вздохами.

Дело в том, что нынешний монарх взошёл на престол в ранней молодости и правил так долго, что предыдущую коронацию никто из одноклассников не застал. Точнее, почти никто. И теперь единственная очевидица искренне наслаждалась всеобщим вниманием:

– Про то, как улицы назывались, любой дурак в книжках прочитать может! А мне не надо читать, я сама всё помню, – вещала для всех желающих пожилая дама. – И на Прощальной стояли, было дело. С ночи очередь занимали! И сейчас как дату похорон объявят – тоже пойду занимать. Разве ж фотография такие вещи заменит? Это чувствовать надо!

– А правда, что возле королей арфактумы не работают? – заинтересовалась пухленькая коротышка Ди.

– Откуда же мне знать, милая? Я же с живым-то никогда рядом не стояла, только к гробу подходила. Да и то там всё верёвочкой огорожено было, футов восемь расстояния, не меньше.

– И что там можно с восьмью футов разглядеть и тем более почувствовать? – удивился Прим, старший из Фелтингеров.

– Благоговение! Куда вам, олухам, такое понять! А я ж ребёнком была – и всё помню. Стоишь, а на тебя словно благодать нисходит. И аромат такой сладкий в воздухе витает...

– Формалин, наверное. Или ещё дрянь какая, – вполголоса пробасил младший.

Алина тихо хихикнула. Иногда дурацкие шутки братьев казались действительно смешными. Особенно когда адресовались кому-то постороннему.

В последнее время Фелтингеры нашли себе сразу несколько новых жертв и заметно охладели к старой. Никто так и не понял, почему это произошло: то ли близнецам захотелось разнообразия, то ли их смущало присутствие в школе скорого на расправу Ракуна, то ли дело оказалось в том, что Алина перестала психовать и огрызаться в ответ на подколки, а зачастую вообще не обращала на них внимания.

Какой смысл доводить того, кто не злится и не боится?

И конфликт сам собой постепенно сошёл на нет.

– А вот во время коронации и в самом деле ничего не работало, – продолжала Регина Нистор. Замечание про формалин она, похоже, просто не расслышала. – Заранее во всех газетах написали, что такого-то числа начнётся ритуал и до его окончания никакой магии не будет.

– Совсем-совсем? Везде? – заинтересовалась Алина. Воду дома, в родном мире, планово отключали, было дело, электричество тоже. Но отключать магию – это что-то новенькое.

– Везде.

– Надолго?

– Несколько часов или около того. Я, честно говоря, точно уже не помню. Говорят, всегда по-разному бывает, иногда аж на несколько дней затягивается. Матушка моя, светлая ей память, тогда, помнится, свечами запаслась, керосинку какую-то приволокла. Мы с сёстрами так мечтали, что вечером у настоящего огня посидим, а едва стемнело, так светлячки уже и загорелись. Магия, значит, вернулась.

– То есть занятия в этот день точно отменят! – нашли выгоду Фелтингеры.

– Кто отменит занятия? – прошамкал от дверей объявившийся наконец-то препод. – А ну все быстро по местам! Важную тему разбирать будем! Записывайте: «Особенности внешнеполитических воззрений в трудах учёных начала семнадцатого века».

– Может, стоит в виде исключения более насущный вопрос разобрать? В связи с последними событиями? – перебил усач.

Политолог, подслеповато сощурившись, взгляделся в нарушителя спокойствия. Обычно на его лекциях студенты вели себя тише воды ниже травы. Правда, не из-за интереса к обсуждаемым темам и даже не из-за уважения к старому преподавателю, а просто из-за общей сонливости и апатии. Раннее утро как-никак!

– Если вы такой умный, молодой человек, то можете встать и читать лекцию вместо меня! Хотите? – пробурчал профессор.

На молодого человека усач никак не тянул. Даже внешне он выглядел хорошо за сорок, а как дело обстояло в реальности, оставалось только догадываться. С настоящим возрастом в Истоке всегда творились непонятки. Не будешь же всех встречных спрашивать, сколько им на самом деле лет?

Но усач не обиделся ни на обращение, ни на предложение. Спокойно пожал плечами и произнёс:

– Не хочу.

Препод этим лаконичным ответом вполне удовлетворился и, кряхтя, поплёлся за кафедру.

– Эта старая развалина точно застала и прошлого короля, и позапрошлого, – вполголоса пробормотала Лиза, проскальзывая на своё место. – Жалко даже, что Энгус не согласился выйти. Лучше действительно, он лекцию вёл.

– Энгус – это имя или фамилия? – Алина даже не удивилась, что подруга знает, как зовут усача. Она, кажется, всех обитателей школы в первый же учебный день выучила.

– Понятия не имею, – шёпотом созналась Лиза. – Он так представился, а переспрашивать я не стала.

– А чего он вообще сегодня вдруг объявился? Никогда же на лекции не ходил.

– Так музей-то взорвали! Там оцепление и всё такое. Внутри не попасть, всех распустили.

– Погоди, он там работает, что ли?

Лиза кивнула и застрочила в тетради, торопливо конспектируя речь преподавателя. Тот, как назло, начал с места в карьер, и читал без пауз и отвлечённых рассуждений о смысле жизни.

Алина, позёвывая, открыла чистую страницу и вывела на полях дату. Первое лайла. Четырнадцатое июня, если перевести на привычный лад. Совсем скоро день рождения. И год, как она живёт в Истоке.

Дома за это время куча новых фильмов вышла, наверное. И книжек. А сколько всего интересного в интернете произошло!

Жить без всемирной паутины оказалось скучновато, без мобильного – неудобно, батарейка в плеере села быстрее, чем надоел плейлист. Тоска зелёная!

В общем, читать о приключениях очередной ведьмы в магической академии было куда веселее, чем учиться самой. А ещё ведьмам обычно перепадала любовь в виде какого-нибудь красивого и обаятельного ректора. Но директору школы (как и большинству преподавателей) давно перевалило за сотню, и соблазнить он мог разве что врачей из центральной больницы. Да и то не харизмой, а обилием диагнозов.

Единственный действительно симпатичный и не старый преподаватель, который попался Алине за время учёбы, планировал убить всех её родных, а саму девушку использовать как объект для магических исследований, за что и поплатился. Студентки, у которых он вёл географию, до сих пор гадали, куда делся душка Перфи, и надеялись на его возвращение.

Впрочем, не слишком страдали, потому что ему на смену пришёл Ракур, и на какое-то время это стало главной новостью школы. Мерзкий характер нового преподавателя, вопреки логике, девушек не отталкивал, а притягивал, а слепота лишь добавляла шарма. Вот только закадрить магоса оказалось неожиданно сложно: обычные методы в виде яркого макияжа, коротких юбок и провокационных поз не работали – он их попросту не видел. Хотя Алина подозревала, что все ухищрения он прекрасно замечает и в глубине души искренне ржёт над каждой попыткой привлечь его внимание.

Периодически девицы вспоминали о существовании Алины и пытались вызнать у неё подробности дядинной биографии. Тут главное было не проболтаться о связи Ракура с Ниной. Не то чтобы они так уж сильно скрывали свои отношения, просто старались их не афишировать.

Может, и правильно делали, но Алину такая секретность всё равно удивляла. Она бы не отказалась прогуляться по школьным аллеям под руку с кем-нибудь высоким, красивым и сильным. И пусть все смотрят и завидуют. Или... Ладно, пусть даже никто не смотрит. И вместо тенистых аллей – душный кабинет с обшарпанным диваном.

Всё что угодно, лишь бы не чувствовать себя третьей лишней, разрывающей идеальную пару «Виктор Долан и его работа».

Размышления прервало резкое дребезжание звонка.

– И не забудьте: всё это будет на экзамене! – повысил голос политолог, стремясь перекричать загомонивших студентов.

Алина перевела взгляд на тетрадку и обнаружила, что конспект магическим образом на странице не возник, зато дата обзавелась рамочкой из кривоватых сердечек.

Скоро год, как они с Доланом познакомились. Интересно, он хоть вспомнит?

Лиза привычно отдала однокурснице свою тетрадь:

– Держи. Перепишешь – вернёшь. – И добавила, скользнув взглядом по сердечкам: – Как у вас там с твоим разведчиком?

– Ну... – задумчиво протянула Алина, прикидывая, как бы отделаться от допроса, но план побега в голову не приходил.

Лиза была замечательным человеком, только очень уж любопытным и въедливым. Тот случай, когда проще рассказать всё как есть, чем увильнуть от ответа и объяснять, почему не хочешь говорить правду. Но что делать, если часть правды – государственная тайна?

– Ну? – поторопила подруга. И сама же схватила Алину за руку и потащила к выходу из аудитории. – Пошли на улице поговорим, без лишних ушей.

Ушей снаружи оказалось примерно столько же, сколько и внутри здания, а свободных лавочек не было вовсе. Пришлось забраться вглубь парка и устроиться прямо на траве, под раскидистым клёном. И только там Алина нашла в себе силы признаться:

– Странно всё.

– Что именно? – дотошно уточнила Лиза, расправляя длинную юбку, чтобы прикрыть ноги. Она даже в летнюю жару умудрялась одеваться по викенской моде, хотя здесь, в Истоке, никто не считал голые лодыжки верхом бесстыдства.

– Всё! Я не понимаю, что происходит. То ли он меня боится, то ли за меня... Относится, как к хрустальной статуэтке, старается рядом даже не дышать. И смотрит, как преданная собака на хозяина, разве что хвостом не виляет, и молчит. А если вдруг не молчит, то называет на «вы» и «госпожа магисса».

– Ты для него и есть «госпожа магисса». Понятно, что для тебя такая иерархия непривычна, но он родился и вырос в Истоке. Здесь с магами фамильярничать не принято.

– Ничего, дяде моему он прекрасно «тыкает» и вообще не парится о субординации! Зато мне достаётся по полной программе. А когда ко мне начинают обращаться на «вы», я себя чувствую не на восемнадцать лет, а на все восемьдесят. – Алина машинально колупнула коростинку на запястье. – В этом всё дело, да? В том, что мне восемнадцать, а ему сорок?

– Подумаешь, сорок! Моему жениху вообще за шестьдесят, и выглядит он, в отличие от твоего, на все свои годы, – грустно улыбнулась Лиза.

Алина замерла с открытым ртом, силясь сообразить, на что сначала реагировать: на разницу в возрасте или на то, что у подружки вообще есть жених. Только и смогла, что ошарашенно выдать:

– Как?

– А как обычно бывает? У отца есть завод. Не очень большой, не сильно прибыльный, да и оборудование давно устарело... В общем, проблем и убытков больше, чем выгоды. Только и осталось, что продать. Но продавать дёшево отец не хочет, а дорого – никто не берёт. Кроме одного человека, который... ну... Он на меня давно уже глаз положил. И сказал, что готов выкупить наше производство по полной стоимости, если я за него замуж выйду. Они и договор уже подписали. Так что через пару лет я выпущусь отсюда – и сразу под венец.

– И ты на это согласилась? – задыхнулась от возмущения Алина.

– Меня, честно говоря, никто и не спрашивал.

– Но это же незаконно! Ты взрослый человек! Самостоятельный! Имеешь право сама решать, за кого замуж выходить, и выходить ли вообще.

– Я девушка и гражданка Викены. Ты слишком мало времени там провела, чтобы разобраться в ситуации. В нашем мире мужчина – бог и властелин, а женщина – его собственность. Вот увидишь, эти боги и властелины ещё начнут возмущаться, что нельзя трон Истока отдавать девчонке – нужно наследника мужского пола искать.

– А он есть?

– Прямого нет, у короля две дочери было, теперь одна осталась. Никаких братьев или племянников тоже нет, насколько я знаю. Так что замучаются подбирать подходящую кандидатуру. Да и какая разница? Истоку на любые возмущения наплевать – это же не люди решают, а сама магия выбирает нового носителя. Бывали и раньше королевы, и ещё будут. И председатель Совета магнатов тоже женщина, кстати. Уже сколько лет на своей должности сидит – и ничего, никто не жалуется.

– Так переезжай в Исток! – сообразила Алина. – Имеешь полное право, у тебя же магический камень есть.

– И ничего кроме камня нет. Ни кроны личных денег. Если поругаюсь с отцом, останусь нищей и бездомной. А он ещё и неустойку господину Кальви вынужден платить будет. И мама огорчится: она так радовалась, что меня приличному человеку сосватали. Да и не хочу я с родителями ссориться. Они же мне добра желают. Правда, на свой лад.

– Это не добро, это феодализм какой-то! Или даже хуже – рабовладение!

– Это жизнь.

Голос Лизы звучал устало и совершенно безэмоционально. Как будто она со своей долей уже давно смирилась. И переубедить её было явно бесполезно.

От безысходности Алина не придумала ничего лучше, чем побиться затылком о дерево. Вот ведь! Привыкла жаловаться подруге на всякие мелочи, и даже не знала, что у неё самой большие проблемы.

Но неужели умнице Лизе, лучшей студентке курса, действительно придётся жить с каким-то старым хрычом?

– Может, твой жених сам от старости помрёт до твоего возвращения?

– Тогда ещё хуже! Завод-то у нас останется, вместе со всеми проблемами и долгами. Не думаю, что отец захочет с ним возиться. Скорей уж пойдёт по проверенному пути и начнёт искать другого подходящего жениха, чтобы можно было торжественно вручить ему и меня, и бизнес. Мало ли кто попадётся... Сквоз, например. Мы встречались пару раз на приёмах – и он так на меня смотрел, прямо раздевал глазами. И за руки хватать пытался. Бррр! Правда, он вроде бы женился не так давно. Но ведь и кроме него много таких мерзких. А Кальви хотя бы не злой, просто старей. И некрасивый.

– Так пошли его лесом. И бизнес пошли, и родителей. Останься здесь, напросись ассистентом к какому-нибудь профессору, они тебя все любят. Или за пределами школы работу найди. Многие же после занятий работают, ничего такого. К концу учёбы денег накопишь, квартиру снимешь. Я помогу, если что. Или дядю попрошу.

– Не надо никого просить, – оборвала Лиза. – Не в деньгах дело. Я семью не брошу. Обещала, что вернусь домой после школы, – значит, вернусь. Просто не смогу по-другому, понимаешь?

– Нет, – призналась Алина. – Не понимаю и понимать не хочу! Как можно так поступать со своей жизнью?!

– Вот именно: это моя жизнь! Моя! И я сама решу, что с ней делать! – неожиданно резко огрызнулась подруга. И после небольшой паузы добавила гораздо мягче: – Извини. Всё чуть сложнее, чем кажется. Давай лучше про тебя. Мы на разнице в возрасте остановились.

– Угу. – Алина рассеянно посмотрела на кровоточащее запястье. Опять расчесала! И когда успела? – Подумаешь, разница. Бывает и больше. Нормально у нас всё.

– Ненормально, – упрямо тряхнула косичками Лиза. Правая снова разлохматилась, хотя всего час назад была заплетена так же туго, как и левая. – Я же вижу, что ты мучаешься. Объясни, в чём дело? Вдруг я смогу помочь?

– Извини, но это моя жизнь, и я сама решу, что с ней делать, – процитировала Алина. На душе было тяжело и мутно. – Пошли, а то на занятия опоздаем.

Однокурсница покорно поднялась с газона, одёрнула юбку и, покопавшись в сумке, протянула подруге чистый платок:

– Руку перевяжи. И, если захочешь поговорить, я всегда готова выслушать.

– Аналогично. – Алина попыталась улыбнуться, но получилось не очень. И рука чесалась нестерпимо.

Со стороны учебного корпуса раздалось противное дребезжание, возвещающее, что на урок они всё-таки опоздали.

Глава третья, в которой Алина теряет веру в людей и находит марту

«Бургомистр Викены выразил недовольство политической ситуацией в Истоке», – гласил газетный заголовок.

– И правильно сделал, – пробормотал хмурый мужчина, погружаясь в чтение.

Алина не сдержалась и тоже заглянула в текст. Она, конечно, знала, что так поступать неприлично, но что делать, если больше заняться всё равно нечем?

Они с Доланом договорились встретиться в небольшом скверике напротив здания разведуправления. Алина честно попыталась убедить себя, что девушкам положено опаздывать, но так хотела увидеться, что прибежала на пятнадцать минут раньше времени.

Три из четырёх лавочек оказались заняты влюблёнными парами, на оставшейся сидел тот самый мужик с газетой. Против компании он не возражал, хотя на короткую юбку соседки покосился крайне неодобрительно. Но содержание статьи интересовало его куда больше чужих ног.

«По словам господина Нудека, сейчас ситуация в мире крайне нестабильна. До сих пор неизвестно, кто ответственен за убийство Его Величества, и нет гарантий, что подобное не повторится. “Безрассудно надеяться, что юная девушка, даже заняв престол по праву крови, сможет управлять государством в столь тяжёлое время”, – заявил бургомистр на последнем заседании правительства. Однако госпожа Фелиция Зинтер в открытом обращении к гражданам Истока и Викены назвала проблему надуманной и подчеркнула, что Совет магнатов готов оказать всяческую поддержку будущей королеве».

В общем, ничего нового, Лиза все эти возмущения ещё пару недель назад предрекала. Хотя, казалось бы, какая викенцам разница, кто стоит во главе Истока, если они вообще в другом мире живут?!

Местным тоже спокойно не сиделось. В центре было тихо, а вот ближе к окраинам то и дело возникали стихийные митинги. И даже те, кто в подобных сборищах не участвовал, не скрывали отношения к происходящему.

Для них проблема была не в поле и возрасте принцессы, а в убийстве её отца. Последние несколько сотен лет правители Истока мирно умирали в своих постелях, а не гибли во время терактов.

А если это повторится? Что взорвут в следующий раз? Где гарантии безопасности? Что делать дальше? И – самое главное – кто виноват?

Преступника до сих пор не поймали, поэтому в глазах обывателей крайними становились то милиты, то гвардия, а то и вовсе Совет магнатов. Членов Совета такое положение дел категорически не устраивало, и они докапывались до всех нарушений, какие только могли найти.

Милиты в ответ бубнили про то, что охрана королевской семьи – вообще не их забота. (То есть взорванный музей и дюжина погибших гражданских – это нормально и не считается?!)

Разведка пыталась хоть как-то свести концы с концами, Нина возвращалась в общагу за полночь и пропускала занятия, Ракун срывался на студентов, Долана Алина не видела уже неделю.

Неделю, десять часов и сорок три минуты.

Где его носит?!

Внезапный порыв ветра чуть не вырвал газету из рук хмурого мужика, девушка с соседней лавочки едва успела придержать взметнувшуюся юбку. Алина удивлённо подняла взгляд на небо. Задумавшись, она даже не заметила, как испортилась погода. Духота никуда не делась, но солнце уже скрыли плотные тёмные тучи и в воздухе запахло грозой.

Спрятаться от которой было совершенно некуда.

Разве что...

– Если кавалер не идёт на свидание, то свидание само идёт к кавалеру! – решила Алина и уверенно направилась ко входу в управление.

Старинное здание располагалось за высокой кованой оградой и выглядело не слишком приветливо. Многие даже просто ходить мимо него опасались, старались или проскочить побыстрее, или вовсе перейти на другую сторону улицы. Но Алине дом и окружавший его небольшой заросший парк парадоксальным образом нравились. Да, мрачновато, но как же интересно!

Девушка толкнула калитку и привычно кивнула охраннику, засеvшему в небольшой будочке неподалёку от входа:

– Здрасьте.

– Госпожа Эллерт, стойте. Вам туда нельзя, – неожиданно ответил мужчина.

– Почему? Всегда можно было! У меня пропуск есть. Где-то дома валяется.

Первое время пропуск и паспорт приходилось показывать каждый раз и проверяли их долго и старательно. Потом – просто бегло просматривали. А в последние месяцы совсем перестали спрашивать документы и уже не провожали посетительницу до нужного кабинета.

И тут вдруг такая подстава!

– Простите, госпожа магисса, особое распоряжение начальства. Вход только для сотрудников и некоторых отдельных лиц, поимённо. – Охранник указал на лежащий перед ним список.

– А дядя мой в этой бумажке есть? – не сдержалась Алина. Уж Ракуна-то точно гнать бы не стали!

– Извините, конфиденциальная информация.

Сходила на свидание, называется!

А Долан тоже хорош! Даже не предупредил, что у них правила поменялись. И как с ним теперь связаться?

– А записку передать можно?

Охранник кивнул, и Алина, выдрав из тетради лист, коротко написала: «Жду у входа», – и огляделась, выискивая, с кем бы отправить послание.

Сам охранник отлучаться с места не имел права, поэтому записка досталась проходящему мимо парню. Тот как раз очень удачно работал на том же этаже и пообещал немедленно занести листок в нужный кабинет.

Но спустя десять минут не последовало ни ответной записки, ни Долана. И спустя двадцать тоже.

Потом появился какой-то нервный растрёпанный мужик с папкой в руках, вопросительно зыркнул на Алину и с недовольным лицом повернулся к охраннику:

– Почему посторонние на территории?

– Да какие посторонние, господин Емельс? Это же наша девочка...

– Я только записку передала. Уже ухожу, – быстро вставила Алина. Доставлять охраннику лишние проблемы не хотелось.

Емельс в ответ буркнул нечто неразборчивое, но вряд ли приятное и умчался по своим делам, прикрываясь папкой от начинающегося дождя. Судя по тому, как усилился ветер, совсем скоро морось грозила превратиться в настоящий ливень.

– Это кто? Какой-то начальник? – поинтересовалась Алина, как только мужик отошёл подальше.

– Да нет, в архиве сидит. О повышении уже лет десять мечтает, но для этого надо с коллегами поменьше собачиться и не бегать по свиданиям в рабочее время. – Охранник задумчиво

проводил взглядом крупную дождевую каплю, скользящую вниз по стеклу. – Ну всё, сейчас польёт.

– Да, похоже на то. Ладно, спасибо за помощь. Я пойду, наверное.

– Успеете добраться домой?

– Попробую. Тут недалеко.

Она распахнула калитку – и чуть не столкнулась с печальной девушкой, шагнувшей навстречу.

Та немедленно стряхнула с лица грустное выражение и улыбнулась:

– О, привет. К Виктору ходила?

Наверное, они были знакомы, но память пробуксовывала, не выдавая ничего подходящего.

– Привет, – машинально ответила Алина.

– Госпожа Рив, вам тут письма оставили, целую кучу, – окликнул незнакомку охранник.

– Сейчас заберу. – Девушка развернулась к будке, и тут Алина наконец-то поняла, кто перед ней. Ирма Рив, секретарша Силя. Просто раньше она была длинноволосой блондинкой, а сейчас вдруг оказалась брюнеткой, стриженной под каре. И макияж стал ярче. И даже глаза, кажется, цвет сменили. Только пара родинок на щеке и осталась на прежнем месте.

– Вы сегодня очень красивая, – неожиданно для самой себя выдала Алина.

– Ты тоже прекрасно выглядишь, – ответила Ирма. – В честь дня рождения нарядилась?

Кстати, поздравляю!

– Спасибо.

– Извини, что без длинных пожеланий, но очень уж тороплюсь. – Секретарша забрала у охранника стопку бумаг и, махнув на прощанье, побежала дальше.

– Спасибо, – повторила ей вслед Алина.

Нина порой шутила, что Ирма – самая совершенная база данных разведуправления, и с этим сложно было поспорить. Она каким-то чудом умудрялась помнить всё и обо всех. Даже день рождения девчонки, которую и видела-то всего несколько раз и мельком.

А вот Долан, похоже, забыл. Совсем забыл. Идиот твердолобый!

Или это она идиотка?

Втрескалась по уши и с чего-то вдруг решила, что он тоже её любит. А он ведь ни разу этого не сказал. Целовал – да, было дело. Да и то сначала по приказу, а потом, видимо, просто боялся обидеть.

Защищал, опекал, в кафе изредка выгуливал, но руки никогда не распускал, даже попыток не делал. Может, она его вообще не интересуется как девушка?

Действительно, что с неё взять-то? О чём говорить? Растяпа, двоечница, малолетка, ещё и... ну... плоская почти. Видимо, в местную бабушку. Ту самую, в честь которой её назвали. Только вот бабушке с личной жизнью повезло, а внучке не очень.

От злости и обиды хотелось поорать и с кем-нибудь поругаться. А вот обратно в школу совсем не тянуло – там Лиза сразу начнёт выспрашивать, как всё прошло. Нет уж, лучше немного побродить по округе, остудить голову. Подумаешь, дождь!

– Промокну, заболею, умру, и пусть ему будет стыдно! – Алина пнула попавшийся под ногу камешек.

Всерьёз умирать она, конечно, не собиралась, да и болеть тоже. Но представить, как Долан скорбит над её бранным телом, обливаясь слезами и коря себя за невнимательность, было приятно.

Или пусть ему Ракун морду набьёт.

Тут фантазия немного буксовала, потому что по сравнению с Доланом дядюшка казался ошутимо меньше и легче, и в его победу верилось слабо. Но магия-то ему на что? Пусть дерётся с помощью арфактумов!

Главное, чтобы один из них не прибил другого ненароком. А то жалко ведь обоих!

Дождь всё-таки зарядил в полную силу, но после дневной духоты он казался не проблемой, а подарком. По крайней мере, первые несколько минут. Потом одежда промокла насквозь, а в туфлях захлюпало. И в сумке, кажется, тоже.

Алина огляделась, соображая, куда забрела, и как отсюда быстрее добраться до школы. Ага, знакомый магазинчик на углу. Значит, сейчас прямо, потом налево.

Людей впереди оказалось неожиданно много, причём они никуда не торопились, спокойно стояли вдоль дороги, словно ждали чего-то. Некоторые общались, другие жались под козырьки крыш, ютились вчетвером под одним зонтом, кто-то и вовсе торопливо ставил палатку. Не то спонтанный туристический лагерь, не то очередь на премьеру «Звёздных войн».

Хотя это почти одно и то же.

И ведь растянулись по всей улице, не обойти!

И тут Алину осенило.

Точно, Прощальная улица. А завтра королевские похороны и траурная процессия, которая как раз по этой улице и пойдёт. То есть Регина Нистор была права, и люди реально готовы заранее занимать места под дождём, чтобы издалека посмотреть на труп? Бред какой-то!

Но народу вокруг становилось всё больше, некоторые приходили целыми семьями, с детьми и собаками. Какой-то дедок притащил рыжую марту на шлейке. Марта при ближайшем рассмотрении оказалась самцом – поджарым, злющим, с порванным ухом и ломаным хвостом. Зверь настороженно фырчал на окружающих, мотал головой, стряхивая дождевые капли, и пытался перегрызть поводок.

Алина обошла это адское создание по другой стороне дороги и уже собралась сворачивать к школе, когда заметила вдалеке усатого однокурсника. Как там его? Энгус?

Мужчина смотрел на сборище неодобрительно и слегка сочувственно, как на пациентов психушки, которых выгнали на прогулку в больничный дворик, невзирая на погоду. Не похоже было, чтобы Энгус куда-то торопился, но, заметив Алину, он резко развернулся и пошёл в противоположном направлении.

Девушка мысленно помахала ему рукой и заспешила домой, но не успела дойти до угла, когда сзади раздался вопль:

– Цера, стоять!

Рыжий март всё-таки сорвался с поводка и теперь нёсся вперёд прямо по лужам, нелепо дёргая крыльями. Взлететь он то ли не мог, то ли по какой-то причине не хотел.

– Цера! – Пожилой хозяин хромал следом за сбежавшим питомцем, но безнадежно отставал.

Алина рванула наперерез зверю, пытаясь подцепить обрывок поводка, но каблук скользнул по мокрой брусчатке, нога неловко подогнулась, и девушка растянулась на мостовой. Март легко перепрыгнул через неё и поскакал дальше. Но пробежав всего несколько метров вдруг остановился, обернулся и жалобно, протяжно... мяукнул? Курлыкнул? Застонал?

Звук до того отличался от обычных весенних брачных воплей, что Алина удивлённо вскинула голову, забыв про разбитую коленку и саднящие ладони.

– Цера, что... – начал дедок, и тут его голос перекрыло резким хлопком, от которого заложило уши.

Дальше всё происходило в полнейшей тишине. Тихо дрогнула земля, тихо покосилось и начало оседать одно из зданий, тихо взвились в воздух клубы серой пыли, от которой запершило в горле. А может, и не от неё вовсе, а само по себе.

Пыль медленно оседала, по брусчатке текла дождевая вода, смешанная с чем-то красным, безмолвно открывали рты люди, блудный март бил крыльями, кружился на месте, но подняться над землёй никак не мог.

И это было последнее, что Алина увидела перед тем, как в глазах потемнело.

Взрыв был такой силы, что в здании разведуправления задрожали стёкла, но Долана не разбудило даже это. Только когда первые крики и топот в коридоре заметно стихли, двери перестали хлопнуть, сигнальные арфактумы – мигать и пищать, а собака на заднем дворе – надрывно выть, только тогда он проснулся от того, что упал со стула.

Упал и какое-то время просто лежал, пытаюсь сообразить, что произошло. В общем-то, ничего экстраординарного. Если трое суток толком не спать, то рано или поздно сморит прямо за столом. Так бывало уже не раз, только раньше как-то без падений обходилось.

Потом взгляд упёрся в настенный календарь.

Вообще-то Долан просто хотел уточнить, действительно ли трое суток, или обсчитался. Но вместо этого обнаружил обведённую кружочком дату, снабжённую подписью «Не забыть!». Ниже шла ещё одна, более крупная: «Подарок!»

Никакого подарка, конечно, и в помине не было. И даже идей не было. Не способствовала ситуация на работе свежим идеям. И сну не способствовала. И инстинкту самосохранения, судя по всему, тоже.

– Она меня убьёт, – вздохнул Долан, поднимаясь с пола.

Ноги затекли и казались чужими, во рту чувствовалась привычная горечь от голода и кофе, вчерашнюю мятую рубашку хотелось сдёрнуть с себя и зашвырнуть в угол, но там уже валялась предыдущая.

Из открытого окна тянуло гарью, где-то неподалёку вопила пожарная сирена, через подоконник хлестали струи дождя. Здравый смысл подсказывал, что по такой погоде Алина точно ждать в условленном месте не будет, но проверить-то надо.

Стоило открыть дверь, как на пол скользнула бумажка, заткнутая в щель. Долан развернул записку, прочитал, выругался вполголоса. На обратной стороне карандашом значилось: «Не застал». Вернее было бы «Стучал в дверь, но не смог добудиться». Это ж надо было так вырубиться!

Но вдруг она ещё ждёт? Или недалеко ушла?

– Да примерно полчаса как убежала, – разочаровал охранник у выхода. – Надеюсь, успела проскочить до того, как...

Долан не стал дослушивать, только машинально отметил столб дыма над соседней улицей, взволнованные лица прохожих, нервные переглядывания. Что он ещё проспал?!

От управления до школы вела прямая дорога, и на ней совершенно точно ничего не горело. Но это же Алина. Она же Эллерт, чтоб им пусто было, всем представителям этого прекрасного семейства! А значит – может оказаться где угодно, и любые подозрения надо сперва проверить, а потом уже отметать как бредовые.

До места взрыва Долан добирался бегом. Там ещё не успели поставить оцепление, разогнать зевак и увезти раненых. Ничего не успели, поэтому улицу заполнил неуправляемый хаос. Люди кричали, бежали, натыкались друг на друга или просто сидели прямо на тротуаре, не особо реагируя на окружающих. Грязные, мокрые от дождя, испуганные, шокированные – сразу и не поймёшь, кому нужна помощь, кто ищет родных, а кто просто мимо идёт.

Долан мысленно приказал себе успокоиться, перестать стоять столбом и помочь хоть кому-нибудь. Просто потому, что в такой ситуации единственное, что можно сделать – подойти к ближайшему человеку и помочь. Так нужно. Так правильно.

Приказать-то приказал, а сделать не смог. Взгляд метался от одного лица к другому, от прохожих к пострадавшим и обратно, и пытался различить в толпе темноволосую девчонку.

Только бы её здесь не было! Только бы она ушла в школу, никуда не сворачивая!

Как он мог проспать?! Как вообще это произошло? И что именно произошло?!

Под ногу попало что-то мягкое. Долан поспешно отшагнул в сторону, опустил глаза, готовясь увидеть что угодно, хоть тряпку, хоть труп, но это оказалась всего лишь мокрая печальная

марта. Зверюга дёрнула отдавленным крылом, грустно мявкнула и побрела дальше. Следом тащился по лужам оборванный поводок.

А за мартой...

Долан на всякий случай моргнул, боясь ошибиться, но нет, не привиделось.

За мартой шла Алина. Шаг в шаг, так же медленно, едва переставляя ноги. Мужчину она не заметила, да и вообще, кажется, не обращала внимания ни на что вокруг. Просто шла, как заводная кукла, глядя прямо перед собой. Потом резко, как-то механически нагнулась, подхватила поводок. Марта удивлённо оглянулась, но вырваться не стала. Наоборот, застыла, дожидаясь, когда девушка подойдёт ближе, потёрлась лобастой головой о её ногу, лизнула.

– Пошли, Цера, – хрипло сказала Алина, возобновляя путь.

Долан хотел её окликнуть, но слова застряли в горле и никак не хотели выталкиваться наружу. Поэтому он просто догнал девушку, развернул к себе.

Хотел обнять, но Алина отстранилась, настороженно глянула снизу вверх:

– Где ты был?

– Я... – Долан осёкся. Не признаваться же, что проспал. Но что тогда сказать? – Я немного опоздал. Заработался. Прости. Прости, пожалуйста.

– Мне надо домой.

– Какое домой? Тебе к врачу надо! У тебя же кровь идёт! – Долан осторожно коснулся тонкого запястья, но девушка отдёрнула руку.

– Она всегда идёт. Мог бы и заметить, если бы хоть иногда обращал на меня внимание. Но работа, конечно, важнее. Вот туда и возвращайся, а я в школу пойду.

Алина повернулась спиной, заметно покачнувшись при этом. Кровь, не кровь, а чувствовала она себя явно не очень.

– Ну-ка посмотри на меня, – велел Долан, пытаясь вспомнить, как внешне выражается сотрясение мозга.

Девушка не среагировала, но и уходить не спешила. Чуть склонила голову набок, разглядывая обрушившийся дом. В недрах завала что-то горело и дымило так, что глаза слезились. Вокруг суетились пожарные и спасатели.

– Алина, если ты сейчас же не пойдёшь со мной, я уведу тебя силой.

– Я арестована? Задержана? Или как это у вас называется?

– Нет, но...

– То есть это опять похищение? – Она всё ещё стояла спиной к Долану, машинально теребила в руках поводок. Марта смирно сидела рядом.

– Нет. Нет конечно.

– Тогда я ухожу.

И опять не ушла, словно ждала чего-то. Или кого-то.

– Послушай... – Долан всё-таки не выдержал и обнял это упрямое создание. Был готов отпустить в любой момент, но с удивлением почувствовал, как девушка расслабилась под его руками, прижалась к груди. От спутанных волос пахло гарью, сквозь которую едва пробивался аромат духов. Мокрое платье пропиталось грязью и липло к телу. – Сейчас мы пойдём в управление. Я найду тебе сухую одежду и напою чаем. И позову врача. А потом ты расскажешь мне обо всём, что здесь произошло. Где ты находилась во время взрыва, что видела, что слышала... Вряд ли в этом хаосе удастся найти лучшего свидетеля.

– Свидетеля? – переспросила Алина, и Долан почувствовал, как она снова напряглась, подалась вперёд, вырываясь из объятий. – Ты только об этом и думаешь, да? Вот и иди тогда к своим доносам, допросам, подозрениям, свидетелям и документам! И не подходи ко мне больше, дознаватель несчастный! Даже не приближайся! Цера, пошли!

Марта рванула с места, как будто всё это время только и ждала приказа. Долан отстранённо подумал, где её хозяин и можно ли проводить животных в школьное общежитие, но

быстро понял, что сейчас ему наплевать на оба вопроса. И ещё на миллион других, более важных вещей тоже наплевать.

А Алина уходила всё дальше и дальше, жёстко вбивая каблуки между булыжниками брусчатки.

Он опять всё испортил. И даже не знал, винить в этом себя или проклятую работу. Которой только что стало ощутимо больше. Потому что второй взрыв подряд – это уже не просто проблема, это катастрофа.

Особенно учитывая то, что случилось утром.

* * *

Алина осторожно тронула марта за крыло. Его покрывал мягкий пушок и кожистые пластинки, похожие больше не на перья, а на чешуйки.

– Летать ты совсем не можешь, да? – обречённо спросила девушка.

Зверь не ответил, только снова потёрся об ногу. Повадки у него были не то кошачьи, не то собачьи, но уж точно не куньи.

Его пожилой хозяин остался там, на Прощальной улице. Он так и не успел добежать до своего питомца, упал, задетый одним из осколков. И умер. Алине не хватило духу проверить самостоятельно, но какая-то тётка, крутившаяся неподалёку, сказала, что точно умер. Да и Цера обнюхал старика, поскулил жалобно, а потом бесцельно побрёл дальше.

Алина подумала, что надо написать объявление о находке, вдруг у несчастной зверюги есть и другие владельцы. Но сперва требовалось добраться до комнаты, не грохнувшись по дороге (с кружащейся головой и шатающимся каблуком это было не так-то просто), а ещё протаскать мимо коменданта грязного мокрого марта.

Ничего так задачка!

– Сиди здесь, я вернусь, – велела Алина, указывая на закуток за общагой. Обычно студенты бегали туда курить, но сейчас заветное место пустовало. А ещё над ним так удачно нависали ветви ближайшего дерева, что дождя можно было не опасаться. Хотя он и так уже почти кончился.

Но Цере площадка, провонявшая табаком, по душе не пришлась. Он принюхался, недовольно встопорщил усы и вернулся к новой хозяйке, готовый следовать за ней куда угодно.

– Да что ж ты привязался-то ко мне? – вздохнула девушка. – Я вообще животных не люблю, чтоб ты знал! Даже о собаке никогда не мечтала!

Март на признание никак не среагировал. Зато из-за угла немедленно прокомментировали:

– Собаки – ерунда. Воняют псиной и пачкают всё слюнями.

– Точно! Надо заводить хомяка.

Алина поморщилась. От бодрого двухголосия Фелтингеров голова начала болеть ещё сильнее. А близнецы словно не понимали, насколько они не вовремя. Или наоборот – прекрасно понимали, и оттого старались вовсю. Подошли ближе, обступили с двух сторон и орали прямо в уши.

– Лучше – много хомяков, а то они слишком быстро дохнут.

– Зато самого живучего и быстрого можно нарядить пауком и уронить на няню.

– Или на горничную.

– Или в суп!

– Но в суп лучше не надо, а то хомяк утонет, а отец по шее настучит до звёздочек в глазах.

– Это вы после отцовской взбучки такие отбитые? – не сдержалась Алина. И напряглась, готовясь к ответной атаке – хоть словесной, хоть физической. Но братцы только расхохотались.

– Нет, мы всегда такие. Мама считает, что в бабушку, у неё тоже крыша набекрень, – отсмеявшись, заметил Прим. – А ты чего тут торчишь, внешка? Куришь тайком, чтобы родичи не узнали?

– Ещё чего! Я вообще эту гадость никогда в рот не возьму!

– А что-нибудь другое возьмёшь? – заржал Сек, но быстро заткнулся, обнаружив, что в ответ на тупую шутку девушка не собирается ни краснеть, ни набрасываться с кулаками. – Да что с тобой такое в последнее время?

Алина пожала плечами. Вряд ли «последнее время» означало «прямо сейчас». Скорей уж – последние несколько месяцев.

И если даже два балбеса заметили неладное, значит, со стороны всё выглядит гораздо хуже, чем представлялось.

Так и не дождавшись ответа, Сек присел на корточки и поманил к себе марта. Тот зыркнул настороженно, но всё-таки подошёл и даже позволил себя погладить.

– Я всегда собаку хотел, – пояснил младший Фелтингер. – А Прим – кота. Здоровенного такого, лохматого. Мы пару раз из-за этого поругались, а потом решили, что надо марту завести, они прикольные. Но нам разрешили только хомяка.

– И правильно. А то вдруг бы вы и марту в супе утопили!

– Да никто его не топил, он сам туда залез, когда из клетки удрал. Как только умудрился? – вздохнул старший братец.

– Ещё скажите, что у вас с тех пор глубокая моральная травма.

– Скорее, физическая. Отец нас из-за этого супа отделал так, что пришлось доктора вызывать. Соврал ему, что мы между собой подрались, тот вроде поверил.

– Да не поверил, заплатили ему, – вмешался Сек.

– Значит, сделал вид, что поверил. Без разницы.

Алина смотрела на близнецов и только глазами хлопала. Такими она их ещё не видела. Нормальные парни, дружелюбные, адекватные. Что же раньше-то было?

– Ребят, а с вами-то что случилось? Извините, но вы тоже на себя не похожи. Отчислить грозятся, что ли?

Братцы синхронно фыркнули, переглянулись, снова фыркнули.

Затем младший сжалился и пояснил:

– Ты всерьёз веришь, что отсюда могут отчислить? Это же на самом деле не школа, не университет, а типа обязательные курсы по обращению с магическим камнем. А всякая история-география – это так, бонусом. Даже если экзамены завалить, всё равно через три года отсюда выпнут. Самое страшное: разрешение на выезд из Истока не дадут, так его и потом получить можно. Главное – знать, кому на лапу дать. Да что я объясняю – тётка вот твоя всего год отучилась, а уже мотается туда-сюда, когда хочет.

– Она по работе.

– Вот я и говорю, главное знать, кому дать.

Последняя фраза прозвучала крайне многозначительно. Наверное, стоило обидеться, но Алина слишком устала, чтобы испытывать эмоции. Поэтому просто спросила:

– В чём тогда дело, если не в отчислении?

– Да так... – Прим неопределённо пожал плечами. – Вроде как повзрослели, за ум взялись. Что тебя не устраивает?

– Непривычно. Вдруг подвох какой-то.

– Вот так пожалеешь её, убогую, а она сразу подвох ищет! – театрально вздохнул Сек.

– Сам ты убогий. – Девушка дёрнула Церу поближе к себе, а то он совсем разомлел от чужих почёсываний. Но почти сразу передумала и протянула поводок братьям. – Ребят, присмотрите за ним пару минут, а? Я сейчас вернусь.

– Торопишься записать в дневник: «Да здравствует день, когда великие и прекрасные Фелтингеры снизошли до моей скромной персоны?»

Алина только отмахнулась и, прихрамывая, помчалась в свою комнату. Коменданта удалось проскочить почти безболезненно, вслед прилетело только укоризненное: «Что за вид? Неужели нельзя было зонт с собой взять? Ты же девочка!»

Куртка висела рядом с дверью, почти сливаясь с серой стеной. Впрочем, она бы с любой сливалась – и с розовой, и с изумрудной в горошек, такая уж особенность. И сейчас эта особенность пришлась очень кстати.

Обратный путь оказался намного проще, потому что теперь комендант только скользнул по Алине взглядом и вернулся к кроссворду. Фелтингеры приближения однокурсницы и вовсе не заметили, обсуждали что-то своё.

– И что теперь делать будем? – продолжил разговор Прим.

– Ждать и надеяться, что пронесёт. А у тебя есть другие варианты? – Сек рассеянно почёсывал Церу за ухом. Зверь ластился и довольно урчал.

– Предатель, – укорила его Алина. – Сперва одного хозяина бросил ради меня, теперь меня ради вот этих.

Братцы вздрогнули и синхронно повернулись к девушке.

– Ты откуда взялась? – оторопел старший.

– А что с прошлым хозяином стало? – не дождавшись ответа на предыдущий вопрос, поинтересовался младший.

– Умер.

Алина подхватила Церу на руки и запихала под куртку. Крылья не поместились и торчали наружу, зверь ёрзал, оставляя на платье клочья мокрой шерсти, так что план оказался далёким от гениальности.

– Ты его собралась прямо так мимо коменданта тащить? – удивился Прим. – Он у вас тупой, конечно, но не слепой!

– Вот и проверим.

– Спорим, не выйдет?

– Спорим, – легко согласилась Алина. В куртке она была вполне уверена. – На что?

– На поцелуй! Если комендант тебя застукает, ты нас целуешь, а если не застукает – то мы тебя.

Девушка скривилась. Оба варианта вызывали отвращение в равной мере.

– Лучше уж просто на желание.

– Желая поцелуй! – не сдавался Прим. Видимо, с женским вниманием у него было совсем плохо. Что неудивительно, учитывая, как именно близнецы предпочитали этого внимания добиваться.

– На желание, так на желание, – кивнул Сек, и Алина впервые подумала, что он ощутимо мягче и миролюбивей старшего брата. И если воспринимать этих двоих не как одно целое, а как разных людей, то наверняка можно найти и другие отличия.

Но не прямо сейчас, конечно.

Цера высунул нос из-под куртки и недовольно заворчал. Алина запихала его обратно и заторопилась ко входу. Ну, милитская униформа, спасай!

Комендант успел сменить сборник кроссвордов на газету и с выражением читал сам себе регламент королевских похорон. Ничего повеселее найти не мог!

На Алину он недовольно зыркнул, бросил: «Чего зачастила туда-сюда? Ноги вытирай, грязи нанесёшь!», – но ни крылья, ни мотающийся кончик рыжеватого хвоста не заметил. Зато Фелтингерам, сунувшимся в двери, чтобы проконтролировать результат спора, досталось по полной.

– Куда лезете? Опять девкам проходу не даёте, олухи? Нельзя вам сюда, нельзя! К себе в корпус идите!

– Да мы только глянуть... – начал Прим, но брат торопливо дёрнул его наружу. Алина напоследок показала обоим язык и заторопилась наверх, в свою комнату. Безумно хотелось снять туфли, мокрую одежду, смыть с себя всю грязь, с которой не справился дождь, и упасть носом в подушку.

Нет, сначала Церу вымыть, а уже потом упасть.

Но судьба подкинула напоследок ещё одну заминку: на скрежет ключа из соседней двери выглянула Нина – такая же мокрая и растрёпанная, разве что чуть более чистая.

– Ты уже дома? – удивилась Алина, привыкшая, что в последнее время тётушка даже ночевать приходила не всегда.

– Под дождь попала. Сейчас в сухое переоденусь – и обратно пойду.

– То есть тебя сегодня вечером не ждать?

Выражение лица Нины стало на миг задумчивым, а потом сменилось на растерянное и виноватое.

– Ребёнок, прости, я совсем забыла про твой день рождения. Ничего, если мы позже отметим? Сегодня совсем-совсем не могу.

– Да ничего, я понимаю, – как можно равнодушнее ответила Алина.

Она и сама уже успела напрочь забыть про дату, и сейчас думала только о Цере, который как назло заворочался под курткой. Но обида всё равно царапнула.

Раньше день рождения всегда начинался с подарков и продолжался торгом. А сегодня всё шиворот-навыворот: Долан опоздал, Нина забыла, остальным и вовсе не до того. Напиться бы с горя, да Лиза для такого слишком приличная. Не с Фелтингерами же в бар идти!

– Давай через несколько дней, а? Хотя немножко с проблемами разберёмся, а то они появляются куда быстрее, чем решаются. – Тётя выглядела расстроенной. – У нас там такое творится...

– Да, про новый взрыв я слышала, – кивнула Алина, тактично умалчивая, что не только слышала, но и видела. И очень даже ощутила.

Но Нина мотнула головой так, словно взрыв был ерундой, не стоящей упоминания.

– Если бы только это. У нас Леда умерла.

Глава четвёртая, в которой дружеские посиделки заканчиваются внезапным образом

Леда умерла накануне ночью. Тихо и спокойно, от старости: уснула и уже не проснулась.

Глава разведки Истока жила одна, в маленькой комнатухе прямо на территории управления – чтобы далеко не ходить. Нашёл её секретарь, принесший начальнице кофе на завтрак и документы на подпись.

Он не удивился, хотя и расстроился. И первым делом сообщил Силью, потому что родственников у покойной всё равно не было.

Силь на известие тоже отреагировал спокойно. Ну, почти спокойно. Отправил сообщения всем, кому следовало, распорядился насчёт похорон, перебрал бумаги в кабинете начальницы – их оказалось совсем немного, Леда давно переложила основную массу дел на заместителя, оставаясь в управлении больше символом, чем реальной властью. Такое положение вещей не было тайной, смерть старой разведчицы не стала неожиданностью, на безоблачном небе ярко светило летнее солнце, проклятье не проявляло себя уже несколько месяцев и, судя по всему, исчезло навсегда, потихоньку сходила на нет шумиха, связанная со взрывом...

В общем, всё было почти хорошо.

Но, подписывая приказ о собственном назначении временно исполняющим обязанности главы разведуправления, Александр Силь пытался не выть в голос.

Спасало понимание, что в дверь в любой момент могут войти. Хорошо, если Ирма – она шефа в каком только состоянии ни видела, а если кто-то посторонний?!

А потом на соседней улице прогремел новый взрыв, и эмоции отошли на второй план – осталась только работа. Много работы. И осознание, что всё вокруг стремительно катится в пропасть.

* * *

Королевские похороны прошли без накладок. Из-за боязни очередного взрыва процессию пустили по другой улице, посторонних по возможности разогнали, все положенные мероприятия сократили до минимума, а охрану, напротив, усилили.

Половина официальных гостей, услышав о новом теракте, решила, что где два, там и до третьего недалеко, и внезапно заболела. Часть аж в Викену уехала ближайшим рейсом (видимо, лечиться). Нина разглядывала пухлую стопку писем с официальными соболезнованиями и извинениями на столе у Ирмы и вспоминала своих студентов. На первом курсе многие из них по школьной привычке считали, что «заболеть» – хорошее оправдание для неявки на пару. К выпуску у них этот бред из головы обычно выветривался. А вот высшие чины и знать Истока писали как под копирку: «К сожалению, вынужден сообщить, что не смогу присутствовать из-за резкого недомогания...»

Сама Нина на кладбище тоже не поехала, но не из-за страха перед возможным взрывом. Она просто искренне не понимала, что там делать. Глазеть на сильных мира сего? Как в кино? Бред какой-то! Да и дел полно.

В итоге весь день сидела на работе, как на иголках, выжидая, не рванёт ли ещё что-нибудь. Пронесло.

Принцессу она, правда, всё-таки увидела, хоть и мельком: в глухой церемониальной маске, закрывающей лицо, в длинном чёрном платье, в перчатках она походила не на живого человека, а на сказочного персонажа или загримированного актёра, затесавшегося в толпу обычных людей.

Непонятно, что наследница престола забыла в здании разведуправления, но именно там Нина на неё и наткнулась. Очень буднично: шла из столовой и заметила перегородившую коридор толпу. Сначала даже не сообразила, что происходит (мало ли, вдруг опять проверка от Совета магнатов в самый неподходящий момент), и только потом различила на некоторых пришельцах форму королевской гвардии. И уже после этого – скрытую за широкими спинами гвардейцев девочку в маске.

По официальным данным, ей едва исполнилось восемнадцать, совсем ребёнок, Алинкина ровесница. Худенькая, светловолосая и синеглазая.

На самом деле глаза скрывались за маской, но Нина почему-то была абсолютно уверена, что они синие. Такие же, как у Силя.

Сам он маячил неподалёку, втолковывал что-то важному сухопарому старику. Наконец тот неохотно кивнул, соглашаясь, и вся делегация двинулась дальше по коридору. Глава разведки дождался, когда она скроется за углом, устало привалился к стене, поискал взглядом, куда бы сесть, но обнаружил только замершую в нерешительности Нину.

– Сандра, вы что-то хотели?

– Нет-нет, просто мимо проходила. – Нина с трудом удержалась от глупейшего «У вас всё в порядке?».

Ясно же, что нет.

Издали ещё ничего, а вот вблизи шеф напоминал самого себя в разгар приступа: болезненная бледность, синяки под глазами и искусанные губы. Его хотелось немедленно загнать в постель (можно даже силой), напоить снотворным (видимо, тоже силой. Или подлить во что-нибудь по методу Лисара) и оставить так на пару суток.

Но кто тогда будет руководить всем этим бедламом?!

– Я не умираю. – Силь натянуто улыбнулся, верно истолковав взгляд подчинённой.

– Правильно делаете! Я не для того проклятие снимала.

– И я вам за это очень благодарен, – серьёзно ответил шеф. – Можно личную просьбу? Проследите, чтобы Ракурн не забыл про завтра.

О чём речь, уточнять не требовалось. Похороны Леды – мероприятие гораздо более камерное, чем королевская процессия, но тоже официальное.

– Он не хочет идти, – созналась Нина. – Не хочет всей этой публичности и речей. Лучше потом сходит на кладбище попрощаться, когда там лишних людей не будет. Ну, он так сказал.

– А я хочу, чтобы он пришёл. Приказать не могу, но... Сандра, пожалуйста, уговорите его как-нибудь.

– Я попробую, но ничего не обещаю. – Нина виновато развела руками.

Силь понимающе кивнул.

Уж он-то друга знал как облупленного.

Упрямством Ракурн напоминал не ежика, а по меньшей мере осла. И если уж вбил что-то в голову, то переубедить его становилось почти невозможно.

Но в этот раз неожиданно получилось. Магос побрыкался ради приличия, но пошёл. Хоть и проворчал напоследок: «Конечно, когда у друзей проблемы, он их увольняет, чтобы под ногами не путались, а когда у него – сразу обратно зовёт».

Лисар тоже приехал. Леду он знал с детства, не слишком любил, но очень уважал, и остаться в Викене в такой день никак не мог.

Нина за несколько месяцев работы в управлении тоже успела проникнуться к старой разведчице уважением, поэтому на душе было тяжело и горько.

Ирма ревела.

Долан молчал и выглядел пришибленным.

Силь, выдавливая из себя прощальную речь, цеплялся взглядом за друзей, не знал, куда девать руки, и путался в словах, чего за ним раньше никогда не водилось.

Ракун привычно лыбился в пространство и явно считал минуты до того, как эта показуха закончится. А потом просто выволок обоих товарищей из толпы и сообщил, что они едут к нему. Прямо сейчас.

Желающих спорить не нашлось.

В Истоке не было традиции поминок, привычных Нине. После похорон все просто расходились по домам и возвращались к обычным делам (если получалось). Но Ракун считал, что дела могут и подождать. По крайней мере, пока ещё что-нибудь не взорвут.

– Если взорвут, то мне можно точно никуда не торопиться, всё равно с должности снимут за этот бардак. А я её и занять-то толком не успел, – печально улыбнулся Силь.

Он всё ещё выглядел как бледный призрак самого себя, но разговор поддерживал вполне уверенно. Не то дружеское участие помогло, не то третий стакан апельсинового сока. А вот к еде начальник разведки почти не притронулся, разве что немного поковырял для вида.

– Тебя-то за что? – удивился Лисар. – Это ж внутренняя безопасность. Пусть милитского руководителя снимают. Как там его...

– Хеллер. И его снимут, не волнуйся. Всем достанется, если виноватых не найдём.

– У нас обычно террористы сами на всех углах орали, что очередное происшествие – их заслуга, а то вдруг конкуренты себе чужие лавры присвоят, – вспомнила Нина. – А тут тишина, даже не рыпается никто. Ни листовок, ни лозунгов, ни ультиматумов. Даже непонятно, чего они пытаются добиться.

– Смены власти. Разве нет? – нахмурился Ракун.

– Тогда зачем взрывать толпу зевак? Да ещё в тот момент, когда эта толпа толком оформиться не успела.

– Есть версия... – Силь задумчиво повертел в руках стакан. – Пока только версия, что взрыв был назначен на утро, аккуратно на то время, когда мимо будет проходить похоронная процессия. Но из-за дождя замкнуло какой-то провод, и бомба рванула раньше времени.

– Паршивая, значит, бомба, – вынес вердикт Лисар. – Самопал какой-нибудь.

– И хорошо, что самопал. Если бы рвануло утром, жертв было бы куда больше. А если бы зацепило похоронный кортеж с принцессой...

– То не было бы у нас принцессы, – закончил Ракун.

Силь молча кивнул. Нина посмотрела на его полную тарелку и положила Алексу добавки. Вот уж кто ел за двоих, не забывая подбрасывать вопросы:

– И что теперь? Держать бедную девочку под охраной круглосуточно и никуда не выпускать?

– Она и так под охраной и никуда не выходит. На днях устроила распорядителю истерику, кричала, что хочет отказаться от коронации. Приснилось ей, видите ли, что её там обязательно убьют. Этот старый хрен потом полчаса делал мне мозг, что если с девчонкой что-то случится, то это будет на моей совести. А то я не знаю! Но на коронацию эта мелкая истеричка пойдёт как миленькая. Надо будет – силой затащу и на уши ей эту корону натяну. Нашла время своевольничать! – Стакан опустился на стол с таким грохотом, что все вздрогнули. Сок выплеснулся на скатерть и растёкся по ней оранжевой лужей.

– А ты-то чего психуешь? – миролюбиво спросил Лисар. – Пусть отречётся девчонка, если так боится. Не коронуют её, сила Истока выберет кого-нибудь другого. Тебе-то, по сути, какая разница, кто на трон сядет?

– Самая принципиальная, – многозначительно хмыкнул Ракун.

Нина запоздало пнула его под столом и уставилась в тарелку, пытаясь скрыть румянец, заливающий щёки. Силь перевёл взгляд с магоса на его подругу и вполголоса выругался.

– Сандра, как у вас с памятью? Я, помнится, уже обещал вас убить, если будете лезть в мои дела, да ещё и болтать о своих гипотезах.

– Только попробуй её тронуть, – оскалился Ракун. – Сам спалился в тире, так что не надо наезжать на мою женщину. Я бы и без неё догадался, только позже.

– Да ты бы об этом забыл через час!

Лисар перевёл взгляд с одного друга на другого и осторожно уточнил:

– Я один не понимаю, что происходит, да?

В комнате повисло неловкое молчание. Оранжевые капли скатывались по скатерти и мерно стучали об пол. Тихо поскрипывала форточка. День клонился к вечеру, но жара спадать даже не думала, и небольшой сквозняк был очень кстати.

– Простите, – прошептала Нина. – Это случайно получилось.

– Знаю я ваши случайности, – вздохнул Силь. – Выкладывайте, до чего додумались.

– До того, что вы следующий наследник престола после принцессы. Только не знаю, первый или второй по очереди.

– Сейчас, к сожалению, первый. Довольны?

Лисар залез в карман, не нашёл там сигару и шумно выдохнул. Зачем-то поменял вилку с ножом местами. Потом переложил обратно. Снова вздохнул и наконец спросил:

– То есть ты... Погоди, если первый после принцессы, то получается, что ты – сын покойного короля?

– Да. Внебрачный.

– И когда ты собирался нам об этом сказать?

Вместо ответа Силь откинулся на спинку стула и устало прикрыл глаза.

– Он вообще не собирался об этом говорить, – прокомментировал Ракун.

– Но о таком нельзя молчать! Если покушения продолжатся и принцессу убьют, тебе придётся занять трон!

– В гробу я видел этот трон! Ты хоть представляешь, что начнётся, если я заявлю о своих правах?

– Ничего хорошего? – предположил Лисар.

– Но почему? – удивилась Нина. Она уже убедилась, что прямо сейчас её никто убивать не будет. Да и вообще после раскрытия тайны шефа заметно отпустило. Наверное, он уже давно хотел хоть с кем-то обсудить ситуацию, но не решался. – Разве не проще объявить о себе официально? Ну и пусть незаконнорожденный! Я читала, такие прецеденты уже бывали, и всегда считалось, что кровь первичнее официального статуса.

– Сандра, опомнись! Проблема не в том, что я бастард! Личность короля в Истоке не зря всегда оставалась тайной, это не просто традиция, это закон. Ни лица, ни имени, минимум информации. Викена вторую неделю на ушах стоит только из-за того, что их пол будущего монарха не устраивает. А теперь посмотри на меня и на ситуацию в целом: бывший убийца во главе страны – это только звучит романтично. Первым делом пойдут слухи, что все взрывы я организовал сам, чтобы заполучить власть. Доказать не смогут, но попытаются, и попутно ещё кучу грехов найдут и выставят на всеобщее обозрение. Припомнят всё, до мелочей, перетрясут всё грязное бельё, которого более чем достаточно. Вы, кстати, тоже попадёте под раздачу. Все вы. – Силь обвёл друзей взглядом, задержался на Алексее чуть дольше. – Историю с твоим дедом тоже наверняка вспомнят. Совет магнатов меня терпеть не может, Фонд тоже, и те и другие только обрадуются возможности подлить масла в огонь. Половина дипломатических связей пойдёт прахом. Хаос, разруха, беспорядки – а в результате меня всё равно устранят. Громко или тихо, рано или поздно. В лучшем случае дадут возможность по-быстрому жениться на какой-нибудь высокородной девочке и заделать ей ребёнка. И проблема даже не в том, что я вообще не горю желанием жениться и заводить детей, а в том, что, если я умру, ребёнок станет безвольной марионеткой Совета. Я не хочу ему такой судьбы. И себе такой судьбы не хочу.

– А если отречься? – предложил Ракун. – Не хочешь править – не правь. Если с твоей кровью всё работает так же, как с обычными камнями, то магия – дело добровольное. Можно отказаться.

– Шумиху и раскопки в грязном белье это не отменит. Кроме того, мы не знаем, кого сила выберет после меня. Возможно, того самого человека, который стоит за покушениями. Хочешь пустить его на трон? А если наследником станет полоумная старая бабка? Или младенец? Его же просто заберут у родителей и...

– Да, мы поняли, сделают марионеткой Совета. – Ракун задумчиво потерял серёжку. – Слушай, но ведь принцессочка, если выживет, станет такой же марионеткой. Вряд ли ей позволят действовать самостоятельно.

– Не позволят. Вернее, я не позволю. – Силь недобро улыбнулся. – Да, она станет марионеткой, но моей собственной. Какое-то время придётся подталкивать её к нужным решениям, но это я вполне в состоянии делать лично. А Совет пусть утрётся. Руки короткие!

– Будете стоять за плечом и направлять? Эдакий серый кардинал? – Нина вспомнила, что вряд ли шеф знает это выражение, и поправила: – Тайный советник?

– Да.

– А если она не захочет слушать?

– Пусть только попробует! Я её старший брат, в конце концов. Уши надеру!

– Тебе бы самому уши надрать, чтобы не пытался решать все мировые проблемы в одиночку, – махнул рукой Лисар, возвращаясь к еде. И вдруг замер, нахмурился. – Слушай, а как же так вышло? То есть если король – твой отец, то где мать? Ты её не искал?

– Искал.

Обстановка, успевшая слегка разрядиться, снова накалилась. Силь напрягся, сжал губы, всем видом показывая, что продолжать разговор не намерен, но Алекса было не остановить. Он даже привстал, навис над столом и другом:

– И?

– И нашёл.

– И?

– И мы сегодня её похоронили.

Алекс упал обратно на стул. В руках Ракуна лязгнула, ломаясь напололам, вилка. Нина мысленно выругалась.

Сходство Леды с её протеже было настолько явным, что его замечали все и всегда.

Не внешнее сходство, конечно.

Внешне они походили друг на друга разве что ростом и обманчивой хрупкостью. Но одинаковые повадки, взгляд и даже манера общения с подчинёнными действительно бросались в глаза.

Они были похожи. Настолько, насколько вообще могут быть похожи два человека, которые выполняют одинаковую работу. Два человека, которые тесно общаются изо дня в день. Два человека, один из которых учил другого, натаскивал, калибровал по своему образу и подобию.

Они были похожи настолько очевидно, что на это просто глупо было обращать внимание, как и на сплетников, пытавшихся приписать карьерный рост Силя его родству с начальницей.

А оно вот как повернулось.

– Она сама-то знала? – Ракун даже охрип от волнения.

– Конечно знала.

– Но как же приют? Как ты там оказался? Тебя в детстве похитили или что?

– Думаю, она сама меня сдала.

– Думаешь? А на самом деле?

– Не знаю. Не спрашивал. Мы никогда об этом не говорили.

– То есть вообще никогда?

– Вообще никогда. Я знал, что она моя мать. Она знала, что я знаю. Этого достаточно. – Голос Силя дрогнул. – То есть, было достаточно. Я думал...

– Ты не думал! Вообще не думал! Боги, какой придурок! И она не лучше! – Ракун попытался вскочить со стула, но Нина дёрнула его обратно, погладила по руке.

Для магоса отношения с матерью всегда были больным местом. Со своей он успел пообщаться слишком мало, и искренне недоумевал, как это: иметь возможность поговорить – и молчать. Нина понимала его чувства, но одного взгляда на шефа было достаточно, чтобы увидеть: тот тоже понимает.

Теперь – понимает.

– Я думал, у нас есть время, – пробормотал он. – Думал, она вечная. Она же всегда была рядом. Всегда... была...

Силь отвернулся, судорожно сглотнул, зажмурился.

Очень хотелось обнять его, погладить по голове, как ребёнка. Сказать, что в слезах нет ничего плохого, что иногда можно.

Но шеф только выглядел ребёнком, да и на кой ему все эти глупые аргументы, если с детства вбил в голову, что мальчики не плачут. Поэтому Нина тихонько встала из-за стола и пошла за тряпкой, чтобы вытереть оранжевую лужу, пока в неё кто-нибудь рукавом не влез. И пусть эти, которые не плачут, сами разбираются.

Они и разобрались.

Лисар и обнял, и сказал всё, что надо, и справился куда лучше Нины. Немного переждал, пока Силь окончательно отпустит, потом спросил осторожно:

– Малыш, ты как вообще?

– Что? – Тот уставился на друга с таким ошарашенным видом, словно вопрос был задан на китайском.

– Как себя чувствуешь? В физическом смысле. Мне очень не нравится, как ты выглядишь.

Нина ожидала, что сейчас последует очередное «я в порядке» или «отстань», но шеф внезапно задумался. Всерьёз задумался, как будто его попросили перемножить в уме десяток шестизначных чисел. Долго молчал и в конце концов произнёс:

– Я не знаю. Не могу понять.

– Когда ты последний раз нормально спал?

– Нормально – это лёжа?

– Нормально – это дома, в постели и хотя бы часов шесть подряд. А лучше все восемь.

– Не помню. Давно.

– А ел?

– Только что. – Силь показал на почти нетронутую тарелку. И сам догадался, как это выглядит со стороны. – Извини, Алекс, мне правда не хочется.

– Мелкий, ты себя угробишь, – констатировал Ракун, перекатывая в пальцах один из арфактумов. Тот самый, с помощью которого выводил на чистую воду студентов. – И сердечный ритм какой-то неправильный.

– Тоже мне, доктор выискался! Убери эту штуку и не доставай при мне больше, а то я её тебе в глотку запихаю, чтобы не болтал лишнего.

– Вот! Вот таким ты мне больше нравишься! А теперь быстро бери в руку вилку и лопай всё, что положили. Иначе Сандра обидится, а она страшна в гневе.

Нина не сдержала улыбку. В кои-то веки «Сандра», а не «женщина». Уже прогресс!

Обижаться на нетронутую тарелку она, конечно, не собиралась. Да и не готовила ничего специально, просто вытащила из холодильника всё, что там нашлось. Но, наблюдая за шефом, Нина чувствовала себя доброй бабушкой, которой всеми правдами и неправдами удалось заставить внука поужинать. Сначала он ел неохотно, лишь бы отстали, но постепенно аппетит

разгорелся, и за добавкой Силь потянулся уже добровольно. И бледный труп напоминать перестал.

– Ты же лопнешь, – добродушно усмехнулся Лисар.

– Ничего, я вместительный.

– Ну хоть перерыв сделай. Никуда еда от тебя не убежит.

– Я сам от неё скоро убегу. На работе ещё дел полно. Да и тебе на паром пора. Или до завтра задержишься?

– Нет уж, у меня тоже дела. Да и нельзя мне надолго в Истоке оставаться. Лучше сами приезжайте, как всё закончится.

– Главное, чтобы закончилось побыстрее. – Силь неуверенно улыбнулся.

– Куда оно денется! – ответил Ракун. – Расслабься, мелкий, найдём мы этих террористов, не сбегут. Потом коронуем принцессочку, посадим на трон, а ты будешь и дальше в тени торчать. Прорвёмся!

Магос говорил так уверенно и убедительно, что у Нины развеялись последние сомнения. Совсем скоро всё станет хорошо, потому что иначе просто не может быть! Осталось только чуть-чуть напрячься, поработать и...

В дверь постучали. Так резко и требовательно, что позитивные мысли мгновенно растворились в тревоге и панике. С хорошими новостями так не стучат.

– Сиди, я сам открою, – велел Ракун, направляясь к двери.

Нина, конечно, не послушалась. Выскользнула из-за стола, заглянула в коридор.

– Сиди, – сквозь зубы процедил магос и щёлкнул замком.

Дверь распахнулась. С той стороны обнаружилась четвёрка милитов: все в форме, угрюмые, крупные – как с плаката «А ты записался добровольцем?».

– Александр Лисар-третий находится здесь? – с места в карьер начал тот, который стоял ближе всего ко входу. И, не спрашивая разрешения, переступил порог.

– А представиться, жетон показать и что вам там ещё положено? – нахмурился Ракун, преграждая путь.

– Так он здесь?

– Жетон-то где?

Металлическую бляху немедленно сунули под нос магосу. Он, ни капли не стесняясь, внимательно её обнюхал, потом ловко цапнул из рук милита и швырнул назад:

– Проверь.

Нина даже вздрогнуть не успела, а Силь каким-то чудом оказался рядом, перехватил жетон, повертел в руках и кинул обратно.

– И что вам надо, лейтенант? – спокойно спросил он.

– Не вас, господин полковник.

Вот тут Нина напряглась уже всерьёз. Несмотря на высокую должность, в лицо Силия знали совсем немногие. Леда виртуозно оттягивала внимание на себя, а её заместитель так же виртуозно избегал чужих взглядов, поэтому признать в белобрысом подростке главу разведки могли разве что люди, заранее подготовившиеся к встрече.

И этим людям зачем-то позарез понадобился Лисар.

Нина обернулась в сторону комнаты. Алекс всё так же сидел за столом и даже не пытался куда-то спрятаться. Хотя... куда ему деваться-то? Под диван залезть? В окошко выпрыгнуть? Так ведь если у двери аж четверо бугаёв стоят, то и на улице наверняка кто-нибудь топчется.

Но вдруг им просто поговорить надо. Или передать что-нибудь. Мало ли...

– У нас постановление на его арест, – разом разрушил все надежды милит.

– Совсем рехнулись? – вспыхнул Ракун.

– Всё законно, вот бумаги. Убедительно прошу вас не препятствовать задержанию.

– И в чём его обвиняют? – холодно поинтересовался Силь, забирая документы.

– Убийство членов королевской семьи, покушение на убийство членов королевской семьи, заговор... Вы читайте, там всё написано.

Магос читать, конечно, не стал (да и не смог бы), зато высказаться не преминул:

– Что за бред? Его в это время даже в Истоке не было! Вы бы хоть головой подумали, зачем ему вообще какие-то заговоры?

– Как вам, несомненно, известно, в двадцать пятом году ему уже предъявляли обвинение в заговоре против короны, но всю вину взял на себя Александр Лисар-старший, – обстоятельно, и словно даже с удовольствием объяснил милит. – Кроме этого, по данным экспертизы, оба взрывных устройства изготовлены на его заводе.

– И что? Он ими торгует!

– Существуют и другие доказательства, о которых я не обязан вам сообщать, господин Эллерт. Прошу вас, пропустите, или я вынужден буду предъявить вам обвинение в пособничестве преступнику.

– Да какой из него преступник?!

– Отойди, – спокойно велел Силь и сам первый шагнул назад, подавая пример.

– Ещё чего! Я тебе вообще подчиняться теперь не обязан!

– Я сказал, отойди.

– Всё нормально. – Лисар с грохотом отодвинул стул и поднялся. – Это наверняка просто небольшое недоразумение. Господа милиты во всём разберутся и отпустят меня.

– Разберутся они, как же, – пробурчал Ракурн, неохотно отступая. – Ты что, не понимаешь? Это же в точности как тогда...

– Понимаю. И ты пойми. – Лисар подошёл к магосу, положил руку ему на плечо, склонился к уху и добавил вполголоса: – Если ты сейчас начнёшь бузить, легче никому не станет. Не та ситуация. Не подставляйся лишней раз. А ты... – Он повернулся к Силу. – Ты тем более не глупи. Делай что должен.

Тот ничего не ответил, только сжал в кулаке бумаги, которые передал ему милит.

– Не глупи, – повторил Алекс. И добавил ещё что-то, так тихо, что разобрать было невозможно.

– Всё, хватит болтать, – не выдержал милитский лейтенант. – Господин Лисар, вы арестованы и должны пройти с нами. Руки, будьте добры.

Щёлкнули наручники. На мощных запястьях Лисара они выглядели очень тонкими, совсем игрушечными. Но именно в этот момент до Нины дошло, что всё происходит на самом деле. Настоящие милиты, настоящий арест.

– Алекс... – окликнула она, отлипая от стенки. – Мы что-нибудь придумаем!

Лисар обернулся, спокойно покачал головой:

– Ты тоже не глупи, тёзка.

И вышел из квартиры.

Глава пятая, в которой повторяется старая история

– Что значит – «как тогда»? – спросила Нина, едва стихли шаги на лестнице.

Силь не ответил, метнулся к окну, проследил, как арестованного сажают в автомобиль.

– Наружка есть? – уточнил Ракун, перебирая арфактумы.

– Напротив подъезда машина явно по наши души стоит. И ещё на углу какой-то дёрганый пацан маячит.

– Маловато.

– Не гарантирую, что вижу всех. Проверь лучше, они нам сюрпризов не оставили?

– Обижаешь. – Магос высыпал на стол обломки подслушивающих булавок. – В коридоре уже чисто, а дальше они не заходили.

– Зря сломал. Оставил бы одну, я б её просто отключила, а потом дезу пустили в нужный момент. – Нина поворошила бесполезные остатки. – Теперь-то можете мне объяснить, что всё это значит?

Силь снова не снизошёл. Удивлённо повертел мятые документы, словно уже успел забыть, что держит их в руках, скомкал окончательно, запустил в стену. Потом зачем-то подобрал, неловко расправил, вчитался.

Ракун тоже промолчал, только сграбастал подругу в охапку, уткнулся носом в макушку. Он всегда так делал, когда нуждался в поддержке, но гордость не позволяла просить вслух. Только сейчас Нина впервые чувствовала, как у магоса отчётливо дрожат руки.

Это пугало.

– Алекс же не виноват, да? Зачем ему кого-то взрывать? Он же мухи не обидит!

– Мухи, может, и не обидит, а человека однажды убил. – Ракун сильнее сжал объятия.

– Очень плохой человек был?

– Первосортная дрянь. Жалеть совершенно не о чем.

– Ты не прав, – подал голос Силь. – То, что тогда его оправдали, ничего не гарантирует.

Если сейчас эта история всплывёт, а она наверняка всплывёт, журналисты в неё вцепятся, как водоросль в добычу. И внезапно выяснится, что Алекс – хладнокровный убийца, Рита – несчастная жертва обстоятельств и меня, ну а я сам – и вовсе мировое зло.

– Кто вообще верит журналистам? – фыркнул магос.

– Около семидесяти процентов жителей Истока, согласно последнему опросу, – неожиданно для самой себя вспомнила Нина. – Именно они формируют общественное мнение.

– Так мы сейчас против милиции идём или против общественного мнения?

– Против Совета, я полагаю. – Силь ткнул пальцем в отпечатанные на машинке строчки. – Только мы никуда не идём. Потому что ты прав, это в точности как тогда.

– Хочешь сказать, где-то в Совете сидит настолько злопамятная сволочь, что готова повторить весь тот фарс заново, лишь бы насолить?

– Или кто-то ей подражает.

– Но ведь это же не значит, что всё закончится точно так же? – скрипнул зубами Ракун. Нина подумала, что ещё немного – и от его объятий у неё хрустнут рёбра, но вырваться не стала, дала выговориться до конца. – Всё нормально же будет, да? У них доказательств нет, ничего нет! Они просто пугают. Попугают и отпустят!

– Не отпустят. Доработают обвинение, найдут свидетелей и улики, притянут за уши все старые дела, скормят их толпе, разогреют её – а потом назначат дату казни.

– Дурацкая шутка.

– Не шутка. Покушение на корону – это смертная казнь, без вариантов.

Ракун недоверчиво хмыкнул, помолчал немного, хмыкнул ещё раз... И вдруг расхохотался, громко, истерично. Выпустил подругу, шатнулся к стене, съехал по ней на пол, сжался в комок – и всё это не переставая хохотать. Просто не мог остановиться.

Нина хотела броситься к нему, но Силь её опередил. Дёрнул магоса за волосы, заставляя запрокинуть голову, и влепил ему пощёчину. А потом, видя, что не помогает, ещё одну.

Ракун удивлённо моргнул, пару раз нервно хихикнул, потёр щёку.

– Спасибо, что не кулаком.

– Пожалуйста. Ты успокоился? – спросил Силь.

– Да. Простите. Перенервничал. Уже в норме. Чёрт, это всё правда выглядит как тупая шутка.

– Почему? – удивилась Нина. На её взгляд, ситуация была, конечно, бредовая, но совершенно не смешная.

– Потому что это не постановление об аресте, а письмо лично мне. – Силь шелестнул бумагой. – И я такое уже читал. Слово в слово.

Магос дёрнул головой на звук, выхватил листок, провёл по нему ладонью, как будто пытался хоть так различить написанное. Резко бросил:

– И что отвечать собираешься?

Глава разведки промолчал, только выдернул письмо обратно раньше, чем Нина успела сунуть в него нос. Поэтому ей ничего не осталось, кроме как жалобно попросить:

– Объясните, что происходит. Пожалуйста. У меня уже голова кругом от ваших недомолвок. Или давайте я просто выйду, и общайтесь без намёков.

– Остайся. – Ракун взял подругу за руку, потянул к себе. Он всё ещё сидел на полу, подпирая стену. Нина без колебаний опустилась рядом, прислонилась к плечу.

Силь подумал немного – и пристроился с другой стороны, подтянул колени к груди, обхватил их руками. И медленно начал:

– Старшего Лисара, Старого Лиса, увели точно так же. Только это в Викене произошло. Мы в это время все там гостили: и Леда, и я, и Ракун.

– Старик как раз очередной завод открыл, – вспомнил магос.

– Ну да. У него завод, у Леды повышение. Её только-только главой управления назначили, нескольких месяцев не прошло. В общем, хватало поводов собраться и отметить. Вот мы и собрались. Только за стол сели – а тут милиты. Тамошние, вikenские. Очень извинялись за вторжение, но приказ есть приказ, мол. Мы даже всерьёз не восприняли. Думали, действительно недоразумение какое-то. Леда собиралась по своим каналам пробить, что это за беспредел, и тут ей передали письмо. Точно вот такое. С требованиями. Согласиться сотрудничать с Советом магнатов, разрешить представителям Совета доступ ко всем нашим помещениям и документам, и дальше в том же духе. Или Лисара казнят.

– Они рехнулись? – не сдержалась Нина.

Уж документы и инструкции-то она за последнее время изучила досконально. И нашла-таки пункт, по которому разведуправление не подчинялось никому, кроме непосредственно монарха. Совет магнатов контролировал практически весь Исток: суды, милицию, муниципалитет, – но не имел никакого влияния на разведку. И всеми силами пытался это влияние получить.

Но не таким же способом!

– К сожалению, они полностью в своём уме.

– Но такая бумага... Это ведь прямое доказательство того, что они сами творят беззаконие. Показать её тем же журналистам – такая шумиха начнётся!

– Посмотрите сами, похоже ли это на доказательство.

Нина перехватила листок, вчиталась и разочарованно поморщилась. Ни подписи, ни печати, ни даже официального бланка. Только список требований и дата, к которой они должны быть выполнены.

– Это же несерьёзно!

– Увы, тот, кто написал эту штуку, предельно серьёзен, обладает немалой властью и не стесняется её использовать.

– А в прошлый раз этого гада так и не нашли?

– В прошлый раз... – В голосе Силя слышалась горечь. – Наверное, пытались. Но я не знаю, чем закончилось. Не до того было. Леда сказала, что судьба всего управления важнее жизни одного человека, и плясать под дудку Совета она не станет. После этого в прессе почти сразу замелькала информация о предотвращённом заговоре, а Лисар превратился в злодея и главу преступной группировки. Нашего Алекса тоже пытались под это дело загрести, но тут уж старик сам понял, чем пахнет, и наболтал в суде такого, что на десяток приговоров бы хватило, лишь бы внука не трогали. И весь Исток купился, поверил. Викенцы только не поверили. Они Старого Лиса любили. Как человека любили, как изобретателя, как работодателя. Но какое дело нашему суду до другого мира? Так что старика казнили, у Алекса отобрали право на магический камень и ограничили въезд в Исток. А Леда... Ну, пару дней она продержалась, делала вид, что всё в порядке. А потом в запой ушла. Совсем к делам не прикасалась. У неё два заместителя тогда было: один через день заболел, второй сбежал. В управлении бардак, никто не знает, за что хвататься, проблемы копятыся... Пришлось разгрести.

– Незабываемое зрелище, – хмыкнул Ракун. – Двадцатилетний пацан, который бегаёт по кабинетам и пытается всех строить. И ведь построил же!

– Сам ты пацан. Мне двадцать два было!

– Ладно, не пацан. Настоящий мужчина, герой, пять футов концентрированной ярости, лучший сотрудник спецотдела, машина смерти, витрина для медалей...

– Завидуй молча, морда полосатая!

– Твоему трудоголизму? Вот ещё, мне и так неплохо! – Магос изобразил на лице самое довольное выражение, на какое был способен, но Нине от этого стало только хуже.

Шутливой перепалкой друзья явно оттягивали неизбежное – необходимость определиться, что дальше. Хотя Силь, конечно, выбор сделал сразу же. Просто ходил вокруг да около, не решаясь его озвучить.

– В общем, мне в тот раз было некогда выяснять, кто именно всё это подстроил. Своего он в любом случае добился. Контроль над нами не получил, так хоть хаосу добавил, Леду до нервного срыва довёл и Лисара устранил.

– Ну, хаос – понятно, Леда – тоже. А Лисар-то чем помешал?

– Так ведь он действительно заговор готовил. Они с Ледой вместе и готовили. Только не против короны, а против Совета. Хотели укрепить королевскую власть, а парламент, наоборот, ограничить в правах. Не знаю подробностей, меня тогда в них посвящать не спешили. Но ничего у них не вышло. Зря только пострадали.

– Зря, – машинально согласилась Нина. – Они были друзьями?

– Лучшими друзьями, насколько я знаю. И иногда любовниками. Но друзьями всё-таки больше.

– Так себе дружба, – влез Ракун. – Старик на неё смотрел, как на богиню, дышать забывал. И во все эти политические дразги только ради неё ввязался. А она его просто использовала и ради спасения палец о палец не ударила.

– Она... – Силь замешкался. Стремление защитить от нападок мать и начальницу столкнулось с нежеланием врать и забуксовало. – Не её вина, что она любила другого человека. Но Лисар был ей дорог. Очень дорог. И то, что она пожертвовала им ради долга... Ей тяжело это далось. Ты просто не знаешь... Не видел её тогда.

– Я и тебя сейчас не вижу.

– И хорошо.

– Не думаю. Я хотел бы посмотреть тебе в глаза, но придётся только слушать. Так что давай выкладывай. Что будешь делать? Выполнишь их условия?

Нина затаила дыхание. Всё, добрались наконец-то до важного.

Силь молчал. Бледные губы сжаты, пальцы судорожно вцепились в колени и, кажется, вот-вот прорвут плотную брючную ткань.

– Говори! – поторопил магос.

Вдох.

Выдох.

Так собираются с духом, чтобы прыгнуть с обрыва в бушующий океан. Особенно если точно знают, что под тонким слоем воды скрываются острые камни.

– Ну?

– Нет. – Силь всё-таки решился.

– Что именно «нет»?

– Нет, я не пойду на уступки. Ты это хотел услышать?

– Я не хотел этого слышать, – сознался Ракун. И вдруг взвился на ноги, закружил по комнате, наращивая темп, пиная некстати подвернувшиеся стулья. – Как? Как вообще можно так поступать? Он жизнь был готов за тебя отдать, между прочим! И отдал бы, не колеблясь! А ты что творишь?

– Свою жизнь за него и я бы отдал. – Силь тоже поднялся, но медленно и слегка придерживаясь за стенку. – Отдал бы, поверь. Но им не нужна моя жизнь. Им нужен полный контроль над разведкой, все документы, сводки, государственные тайны, данные по сотрудникам, в том числе и по внештатным... Это не одна жизнь, Ракун! Это сотни жизней! И твоя в том числе.

– Мне плевать.

– А мне нет! Я не могу подставлять своих людей.

– Вместо этого ты подставляешь Алекса.

– А что мне остаётся? Застрелиться? Так ведь его это не спасёт, зато Совет обрадует! Или тебя тоже обрадует? Останешься чистеньким идеалистом на фоне бессердечного меня. Ну, что молчишь? Ты же самый умный и всегда знаешь, как поступить! Так говори: что мне сделать?!

– Перестаньте! – не выдержала Нина, вклиниваясь между спорщиками. – Прекратите. Думаете, он бы хотел, чтобы вы сейчас друг на друга орали?

– Он бы хотел... и хочет, чтобы мы его вытащили, – стукнул кулаком по стене магос.

– Он просил нас не рыпаться, – возразил Силь. На удивление спокойным тоном. Сил на эмоции у него уже просто не осталось. – Он знал, на что идёт.

– Великодушный идиот, – вполголоса буркнул Ракун. И продолжил нарезать круги по комнате, но уже гораздо медленнее, не сшибая стулья, а расставляя их по местам. – И что теперь? Ты тоже до казни будешь делать вид, что всё в порядке, а потом в запой уйдёшь?

– Я не пью.

– Ещё хуже.

– Куда уж хуже. – Силь пожал плечами и направился к выходу. На пороге обернулся, перевёл взгляд на Нину. – Простите за то, что мы тут устроили. Надеюсь, не надо напоминать, что...

– Да-да, государственная тайна, я в курсе.

– Эй, мелкий, ты куда собрался-то? – спохватился магос.

– На работу. Говорил же, что у меня дела. И их никто не отменял.

– Проводить?

– Это ещё зачем? Машину поймаю. Можно даже вон ту. – Силь кивнул в сторону окна, за которым виднелось серое авто. В салоне откровенно скучали два наблюдателя. – Всё равно они за мной следить должны, вот пусть и последят, и подвезут.

– Вот ты нахал, – протянул Ракун с такой гордостью, словно характер друга был его личной заслугой. – Но, знаешь... Лучше не ходи сейчас без охраны, ладно? На всякий случай.

– Если меня прибьют по дороге, шантажировать будет некого. Так что наша доблестная милиция позаботится, чтобы я добрался целым и невредимым. А я позабочусь, чтобы они увидели нерешительного и сломленного человека. Может, получится запудрить мозги и потянуть время.

С точки зрения Нины, на нерешительного шеф не походил совершенно, а на сломленного – тем более. Уставший, нервный – да. Но всё ещё готовый дать отпор кому угодно.

– Нахал, – повторил магос, как только за Силем захлопнулась дверь. – Время он тянуть будет, ага.

– Считаешь, это намёк?

– Да если бы намёк! Прямое приглашение к действию. Он переключает внимание Совета на себя, а я тем временем вытаскиваю Алекса из... Чёрт... Надо же ещё узнать, где его держат!

– Узнать, где держат, как туда забраться, как оттуда выйти, куда потом прятать Алекса. Желательно ещё и настоящего преступника найти. И всё это – в полнейшей тайне и не задействуя возможности разведуправления. Потому что за нами будут следить, за управлением будут следить, и при первом же подозрении Алекс – труп. И мы тоже, – методично перечислила Нина. – Я ничего не пропустила?

– Вроде нет. Становишься специалистом.

– Начинаю привыкать, что народная забава жителей Истока – по любому поводу похищать людей.

– Он не похищен, а арестован.

– Не вижу особой разницы. Есть человек, которого силой удерживают в некоем месте с определённой целью. Надо его вытащить. Единственное отличие в том, что в этот раз закон на чужой стороне, а Силь не сможет прикрыть нас в случае провала.

– В случае провала... – Ракун наморщил лоб. – Я вот думаю: если Леде от такого крышу сорвало, то что будет с ним? Он и сейчас-то еле держится, я же чувствую.

– А ты на него ещё орал, – укоризненно заметила Нина.

– Ты бы предпочла, чтобы я его пожалел и мы оба рыдали в обнимку у твоих ног? Извини, не та ситуация. Как сумел – так в чувство и привёл. Так что теперь главное – не лажануться.

– Значит, нам придётся сделать всё идеально.

– Говоря «нам», ты имеешь в виду, что поможешь, или что не будешь мешать?

– Я имею в виду, что займусь этим вместе с тобой и наравне с тобой. И попробуй только заикнуться об опасности и не женских делах.

Магос, судя по всему, очень хотел не только заикнуться, но и выругаться. Или ещё что-нибудь громкое и многословное завернуть. Даже рот открыл и воздуха побольше набрал. А затем вдруг притянул подругу к себе, порывисто обнял и прошептал:

– Ты самая прекрасная женщина в мире!

– Я тоже тебя люблю, – улыбнулась Нина. – Ничего, прорвёмся. Всё будет хорошо! Обязательно!

Она старалась говорить как можно убедительнее.

Ракун в ответ пытался улыбаться как можно душевнее.

Оставалась самая малость – поверить в сказанное. Им обоим.

* * *

Долан ненавидел злиться. Злость, как и любая сильная эмоция, туманила разум, заставляла действовать импульсивно, а потом сожалеть о поступках. К счастью, в большинстве случаев удавалось держать себя в руках. Но он слишком часто видел, на что в порыве ярости способны другие. И что случается с теми, кому не повезло столкнуться с озлобленным и неуправляемым подобием человека.

Но не злиться сейчас он не мог.

Просто не получалось.

Складывалось впечатление, что весь мир сговорился против разведуправления в целом и капитана Виктора Долана в частности. Всё сыпалось из рук, новости приходили с опозданием и такие, что впору вешаться. Улики по обоим взрывам заграбастали себе бывшие коллеги из милиции, и выпросить у них хотя бы полную документацию по делу никак не получалось – только какие-то разрозненные обрывки. А результаты Совет спрашивал почему-то с разведки. И не просто спрашивал, а прямо-таки требовал. Вынь да положь им преступника.

Сослуживцы смотрели косо. Некоторые откровенно недоумевали, почему такое важное дело доверили новичку. Долан и сам задавал себе этот вопрос.

Варианты ответа были разные. Потому что ему приходилось уже работать по взрывам (то же старое происшествие в Фонде достаточно вспомнить)? Потому что требовалось бежать наперегонки с милистами, предвосхищая их действия, а кто с этим справится лучше, чем бывший милит? Потому что могла в любой момент всплыть секретная информация, типа той же магии Устья? Или просто потому, что Долан первым подвернулся под руку Силу?

Правильнее было бы, конечно, его и спросить, но шеф явно пребывал не в том настроении, чтобы удовлетворять чужое любопытство. Велел работать – значит, придётся работать.

Вот Долан и работал. В данный момент – сидел над документами, пытаясь разобраться в свидетельских показаниях. Те откровенно противоречили друг другу. Дом на Прощальной улице, пострадавший при взрыве, оказался закрытой на ремонт гостиницей. Войти и подложить бомбу мог кто угодно – двери не запирали и даже не особо охраняли. Рабочие, находившиеся внутри, если и заметили кого-нибудь подозрительного, то рассказать об этом смогли бы разве что на спиритическом сеансе.

Девять из них погибли на месте, ещё троих увезли в больницу, но посторонних к ним пока что не пускали.

Из тех, кто во время взрыва толпился на улице, умерло семеро: в основном те, кто жался поближе к рухнувшему зданию, надеясь укрыться от дождя под козырьком крыши. Некоторых зацепило разлетевшимися обломками. У старушки-свидетельницы случился сердечный приступ.

Двух погибших Долан даже знал лично.

Ну как – знал... Периодически встречал, узнавал, здоровался, а имена только вот сейчас в официальных списках прочитал.

Один работал тут же, в архиве разведки, а по Прощальной улице случайно пробегал в самый неподходящий момент.

Другой... вернее, другая, разносила по магазинам и офисам горячие обеды. Как раз вот в том районе и разносила.

Обоих было жалко. Да и всех остальных тоже.

И себя – особенно после общения с некоторыми свидетелями.

Толпа, с раннего утра занимавшая места в ожидании похоронной процессии, состояла в основном из стариков и личностей довольно своеобразных. Их волновали погода, природа, курс викенского виа относительно истокской кроны, внешность короля, инкрустация гроба и новинки моды, но друг на друга эти люди не смотрели совершенно.

– Когда я из дома выходила, солнце светило. Вот я зонт и не взяла, не думала, что понадобится. А когда дождь начался, мне одна милая женщина одолжила. У неё два было, один для мужа, но тот отошёл куда-то, – вдохновенно рассказывала очередная дамочка.

– Как выглядела та милая женщина? – уточнял Долан.

– Не помню.

– И что с ней стало после взрыва? Она пострадала? Или своими ногами ушла?

– Не знаю.

– Оpoznать сможете?

– Наверное.

После чего перед свидетельницей выкладывался ряд из фотоснимков. Она вглядывалась в них, монотонно твердя:

– Нет, не она. И не эта. Что вы мне подсовываете – это же мужчина? А у этой прелестная шляпка. Ой, здесь взгляд такой странный... Она заболела?

– Она труп.

– Какой ужас! Хотите сказать, что та милая дама умерла?

– А это она?

– Конечно нет! Ничего общего! Кажется...

И так раз за разом со всеми свидетелями. Точнее, с теми, кого удалось поймать. Большинство разбежались с места взрыва ещё до приезда врачей, пожарных и милиционеров, не попав ни в списки, ни на фотографии.

Ситуация в музее выглядела ещё более удручающей: основную массу пострадавших составляли местные работники и королевские гвардейцы, конспирации ради переодетые в гражданское. И те, и другие в отчётах старательно описывали друг друга, распорядок монаршего визита, толщину стен, уникальные экспонаты, хлопающие на сквозняке форточки – и ровным счётом ничего полезного.

В общем, оба расследования зашли в один большой тупик.

Вся надежда была на наблюдательность и интуицию Алины, но она в последние дни не высывалась за пределы школы. С одной стороны, правильно делала. И ей безопаснее, и Долану спокойнее.

С другой, необходимость допросить девчонку никуда не делась. Но добровольно общаться она не желала, а вызывать в управление повесткой... Не придёт же! Только сильнее обидится. И что тогда? Силой тащить этого сумасшедшего ребёнка?

Долан потянулся, покрутил головой, разминая шею. Вздыхнул.

Насколько было бы проще, если бы их связывали исключительно дружеские отношения! Или рабочие. Или вообще никакие. Всё по регламенту: встретился, записал показания, отправился дальше по своим делам. Не надо думать, как бы чего лишнего не ляпнуть, не надо беспокоиться, дошла ли эта неугомонная до дома, и отводить глаза, когда она ногу на ногу закидывает в этих своих шортиках...

Долан вздрогнул и захлопнул папку. Резко поднялся.

Нет, надо гнать из головы мысли про Алинку, и срочно. Иначе работать точно не получится.

За окном давно стемнело, управление погрузилось в сонное вечернее оцепенение, диван манил всеми своими уютными промятостями, а глаза так и пытались закрыться сами собой.

Ладно, ещё одно дело – и спать.

Одинокий коридорный светлячок услужливо подлетел ближе, но Долан только отмахнулся. Уж в родном коридоре можно было и без освещения обойтись, тем более что вдалеке виднелась яркая полоска под дверью приёмной Силя. Значит, Ирма ещё не ушла!

Секретарша действительно оказалась на месте: сидела, подперев голову рукой, и с печальным видом изучала выставленную на стол батарею лаков для ногтей.

– Ничего уже не соображаю, – сообщила она, не меняя выражения лица. – Если ты к шефу, то он занят. Лучше не соваться.

За дверью кабинета было темно и тихо, сквозь щель едва заметно тянуло чем-то сладковато-горелым. Долан принюхался, но так и не смог определить происхождение запаха. Не карамельки же из жжёного сахара он там грызёт! Впрочем, какая разница?

– Я, вообще-то, к тебе. Можно?

– Конечно. Тем более, ты уже пришёл. – Ирма кивнула на свободный стул и улыбнулась. Приветливо, но явно через силу. Да и покрасневшие глаза с припухшими веками выдавали настроение секретарши с головой.

Глаза были серые, самые обычные. Не синие, не карие, не лиловые. То есть в этот раз даже без линз.

Да и волосы... Долан запоздало уставился на стрижку Ирмы. Так привык к постоянной смене причёсок, что совсем не обратил внимания на короткий русый ёжик. Так вот как она без парика выглядит!

– Ты по работе или поболтать приспичило? – Девушка чуть повернула голову, и стал заметен шрам, идущий от правого виска к затылку. Широкая бугристая полоса, выделяющаяся на фоне нормальной кожи. Жутковатое зрелище.

– По работе. – Долан с трудом заставил себя отвести взгляд от шрама. – Мне нужен подробный план музея. Служебные помещения, подвалы, несущие стены. В общем, все данные. Можешь послать запрос в... Кто этим вообще занимается?

– Строительное бюро. Уже послала, уже получила. Леда запрашивала, ещё до того, как... – Ирма моргнула, торопливо потёрла глаза. – Когда была жива. Что-то ей там подозрительным показалось.

– И где сейчас эти документы?

– У неё в кабинете, если шеф не забрал. Но я вроде не видела, чтобы забирал. Там такой внушительный рулон с картами, не промахнёшься.

Секретарша бросила на стол брелок с двумя ключами: обычным и магическим.

– Доверяешь? – удивился Долан.

– Там всё равно ничего важного не осталось. Всё, что надо было, шеф давно к себе перетащил. Хотя, по идее, лучше бы наоборот ему в тот кабинет перебраться.

– Из-за хранилища и выхода в...?

– Тссс, – перебила Ирма. – Ты ещё громче говори, чтобы все вокруг про выход узнали! Но – да, из-за него в том числе. Всё, иди уже, ищи свои планы. Вижу ведь, что не терпится.

Долан сжал в кулаке ключи, кивнул на прощанье... но со стула так и не встал.

– Позволишь один бестактный вопрос?

– Валяй, – великодушно махнула рукой секретарша.

– Почему не уберёшь? – Мужчина взглядом указал на шрам. – Или он магический?

– Обычный. Но... – Ирма провела кончиками пальцев вдоль рубца. – Глупо, наверное, но не хочу. Он как символ. Напоминание, что никому нельзя верить.

– Совсем никому? – С доверием в разведке у многих было не очень, работа обязывала. Но, зная Ирму, Долан мог бы поклясться, что как минимум одному человеку она доверяет безоговорочно. – Даже шефу?

– Ему особенно. – Девушка мягко улыбнулась, давая понять, что распространяться на эту тему не намерена. И снова машинально коснулась шрама.

Он выглядел довольно старым, а сама Ирма – слишком молодой для своих навыков и должности. Двадцать пять, не больше. Наверняка пила уже омолаживающее зелье, просто не докрутила до того возраста, когда получила эту отметину.

Интересно, а в молодости она тоже философски считала шрам напоминанием или по-другому относилась?

– Сколько тебе лет?

– Ещё один бестактный вопрос?

– Извини, – смутился Долан. – Можешь не отвечать. Просто... Если бы тебе было восемнадцать и с тобой случилось нечто непоправимое – как бы ты отнеслась к человеку, по вине которого это случилось?

– Мне было двадцать три, и я попыталась его убить. Но меня опередили. Это если мы говорим обо мне. А если нет... – Ирма прозорливо сощурилась. – Что ты натворил?

– Ничего нового. – Долан почувствовал, что краснеет, как мальчишка, разбивший окно в соседнем доме. Тогда было стыдно, неловко, досадно... А мать вот так же щурилась и спрашивала: «Что ты натворил, сынок?».

Отец не спрашивал, только бил и орал что-то неразборчивое.

Воспоминание нахлынуло так стремительно, что Долан чуть ключи не выронил. Торопливо сжал кулак, так, чтобы холодный металл и острые грани арфактума врезались в ладонь, помотал головой, отгоняя наваждение и дурацкий запах, мешающий сосредоточиться.

Не помогло: хотелось говорить, говорить, выговаривать всё, что так тщательно скрывалось под ворохом дел и вошедшей в привычку отстранённостью.

– Что бы я ни сделал – всё неправильно, всё ей во вред. Она несколько раз чуть не погибла, лишилась магии, сейчас вот под взрыв угодила. И всё из-за меня. Я хочу как лучше, а в итоге становится только хуже. И я боюсь за неё. Каждую секунду боюсь. Даже сейчас хочу сорваться в школу, просто чтобы убедиться, что с ней всё хорошо.

– У-у-у, – понимающе протянула секретарша. – Сочувствую. Но ты не сможешь контролировать её вечно. Она взрослый... Ладно, почти взрослый человек и сама принимает решения.

– Я просто хочу, чтобы она оказалась в безопасности. А рядом со мной этого не будет.

– А рядом с кем будет? С дядюшкой её полоумным? С другими подростками, у которых ветер в голове? С теми придурками, которые пикеты на улицах устраивают? Да, ты совершил ошибку, когда похитил Алину. Но это было один раз. Один-единственный раз. И не твоя вина, что она вошла во вкус и теперь суёт свой любопытный нос во все дыры. Просто у некоторых людей инстинкт самосохранения отсутствует как факт. И не всегда это юные девочки. – Ирма выразительно покосилась на дверь кабинета.

Долан тоже.

Машинально принюхался – и наконец-то опознал запах. И мысленно обозвал себя полным идиотом.

Совсем нюх потерял, и в прямом смысле, и в переносном! Мог бы и раньше догадаться! А ещё удивлялся, как дурак, отчего вдруг приступ откровенности накатил.

– Эй, а шеф вообще в курсе, что эта дрянь незаконна?

– В Викене её в аптеках продают. От нервов. Даже рецепт не нужен, – ответила Ирма, возвращаясь к изучению лаков. – И вообще, дай человеку расслабиться. Он же не железный. Иди за своими картами. И ключи потом вернуть не забудь.

Ирма деликатно постучала, но из кабинета не донеслось ни звука. Пришлось заходить без разрешения. К счастью, шеф обычно не запирался. Привычка не самая типичная для начальства, но полезная, родом из тех времён, когда он мог в любой момент грохнуться в обморок.

Сейчас до обморока, к счастью, не дошло. Силь полужелезал в кресле с закрытыми глазами и, похоже, дремал.

Оно и не удивительно: в витающем по комнате сладковатом тумане делать что-то другое казалось невозможным. Только дремать. Ну или медитировать. А вот активно действовать

получалось с трудом, но Ирма переборола себя, подошла (очень хотелось сказать – подплыла) к окну и распахнула его во всю ширь. С улицы потянуло ночной прохладой.

Свежий воздух! Хорошо-то как!

– Ну зачем? – не открывая глаз проворчал Силь.

– Потому что спать надо лёжа, а не вот так!

Секретарь погасила аромалампу и вытащила из шкафа постельное бельё. Шеф часто ночевал на работе (проще было бы подсчитать дни, когда он уходил спать домой), поэтому появление в кабинете одеяла и подушки было вполне закономерно.

– Я не хочу спать, – заверил начальник, даже не пытаясь переместиться на диван или как-то сменить позу.

– А придётся. – Ирма развернулась к креслу и попыталась вытряхнуть Силя из рубашки. Благо, та оказалась почти расстёгнута. Осталось всего две пуговицы, на которые у шефа, видимо, энтузиазма не хватило.

– Это квалифицировать как превышение полномочий, как соращение несовершеннолетних или как домогательство в отношении старшего по званию? – лениво спросил он.

– Как попытку воззвать к здравому смыслу. И ваше счастье, что у меня сейчас нет желания читать лекцию о вредном влиянии этой штуки, из-за которой тут дышать нечем!

– А как же «в Викене, от нервов, без рецепта»? Я всё слышал, между прочим.

– Вот в Викене и развлекайтесь! А в управлении я чтобы больше этого не видела! И не чуяла!

– Слушаюсь, госпожа Рив, – покорно согласился Силь. И даже выбрался из кресла, но только затем, чтобы повиснуть на секретаре.

– Перестаньте! Ну что за глупости? – укоризненно вздохнула девушка, подхватывая шефа.

Отличить показательное дураковаление от моментов, когда он на самом деле не мог устоять на ногах, было довольно легко. В первом случае и вес-то толком не ощущался. Силь прекрасно себя контролировал и лишь делал вид, что падает. Зачем-то.

– Я устал, – сознался он на ухо Ирме. И, отстранившись, направился к дивану.

Грохнулся лицом в подушку, обнял её обеими руками и демонстративно засопел. Притворился, конечно, но кто ж ему запретит.

Ирма убедилась, что кабинет достаточно проветрился, прикрыла окно и уже собиралась уходить, когда вслед донеслось заглушённое подушкой:

– Посиди со мной. Немножко. Пожалуйста.

Похоже, дела обстояли совсем плохо.

Девушка опустила на диван рядом с шефом, осторожно коснулась ладонью напряжённой спины – и торопливо отдернула руку, испугавшись собственного жеста.

– Оставь, – велел Силь. – Ирма... Что бы я без тебя делал?

– Нашли бы другого секретаря.

– Невозможно. Ты уникальна и незаменима.

– То есть заслуживаю премию? – улыбнулась девушка.

– То есть заслуживаешь более адекватного начальника.

– Меня и вы вполне устраиваете.

– Я серьёзно, между прочим. – Силь перестал комкать подушку и развернулся на спину. – Если я найду тебе другое место... Хорошее место с хорошей зарплатой – пойдёшь туда?

– Вы меня прогоняете? – Ирма почувствовала, как внутри всё сжалось от панического ужаса, потом болезненно дёрнулось – и снова сжалось.

– Может, это шутка такая?

– Или она что-то не то сделала? Не то сказала? Слишком резко нарушила субординацию? Так не в первый раз же...

– Я за тебя боюсь, – доверительно сообщил шеф. – Сейчас находиться рядом со мной особенно опасно.

– Тоже мне новость! – Секретарь усмехнулась. Страх потихоньку отпускал. – Я знала, на что шла, когда соглашалась на эту работу. Да и сами же сказали только что: я незаменима. Так что даже не надейтесь от меня избавиться. Никуда я не уйду.

– Значит, придётся тратиться на премию. – Сквозь вселенскую печаль в голосе Силя явственно слышалось удовлетворение. – Разорите вы меня, госпожа Рив.

– Что поделать, ценные кадры нынче редкость. А бесценные – и подавно.

Страх отступил окончательно.

В перечне вещей, которых боялась Ирма Рив, гибель при исполнении значилась далеко не самой первой. Даже, пожалуй, в десятку не входила. Увольнение казалось куда страшнее. И пауки.

Но хуже всего было бы...

Ирма решительно мотнула головой, не давая себе завершить фразу даже мысленно. Не хватало только накликать!

Обернулась на шефа, чтобы спросить, можно ли уже уходить, да так и осталась сидеть.

Потому что Силь крепко спал.

Глава шестая, в которой Долан замечает знакомые черты в некой девушке

Долан коснулся магическим ключом небольшой пластины на двери, но арфактум даже не пикнул. Это настораживало.

Всегда оставался шанс, что замок сработал беззвучно, хотя верилось в это с трудом. Обычно люди, лишённые магического восприятия, предпочитали точно знать, что чары подействовали. Поэтому ключам приходилось мигать, вибрировать, нагреваться – на что фантазии создателей хватало.

Ключ от кабинета Леды остался безжизненным куском металла.

Или дверь забыли запереть в суматохе последних дней, или Ирма просто перепутала связки.

Но с обычным ключом проблем не возникло, он провернулся положенное количество раз, и замок тихонько щёлкнул. И что это значит?

«Это значит, что ты параноик!» – мысленно сообщил себе Долан и решительно потянул на себя дверную ручку.

Бомба не взорвалась, сигнализация не взвыла, наперерез никто не прыгнул. Вообще ничего не произошло, даже свет не зажёгся.

Такое случалось: светлячки работали не вечно, иногда разряжались или просто сбились. Но подозрительность тут же всколыхнулась с новой силой, заставляя Долана нервно оглядываться и прислушиваться. Шорох за стеной, скрип половицы, шелест дерева за окном, изломанная тень на стене, сладковато-горелый запах...

ТЬфу ты! Вот в чём дело! Просто дурманящее действие этой вонючей гадости ещё не до конца выветрилось, вот и мерещатся всякие глупости. А на самом деле – кабинет как кабинет.

Света уличного фонаря вполне хватало, чтобы осмотреться. Стол без горы документов выглядел непривычно и сиротливо, полки в шкафу заметно опустели, открытый сейф демонстрировал всем желающим тёмное нутро. Даже запах изменился: вместо домашнего уюта в воздухе теперь пахло пылью и затхлостью. А ведь прошло всего несколько дней!

Карты нашлись быстро: их закинули на один из стеллажей, но конец длинного рулона торчал наружу, как штырь. Долан развернул находку, убедился, что там действительно планы музея, а не схема канализации... И снова услышал за стеной шорох.

В этот раз звук оказался вполне отчётливым, не перепутать.

И всё бы ничего, но именно за той стеной находилось хранилище. Закрытое и совершенно секретное, а людей, которые имели право там находиться, можно по пальцам пересчитать.

Леда умерла, Ирма и Силь у себя... И кто там возится посреди ночи?

Тайный проход из кабинета в хранилище скрывался за стеной панелью. Долан наугад дёрнул её в сторону – и та без проблем сдвинулась, открывая доступ к двери. Засов здесь оказался самый обычный – широкая щеколда. И чуть ниже плоская панелька магического замка.

Внутри снова зашуршало, затем стукнуло.

Похоже, таинственный гость не сильно скрывался. Может, вообще кто-то свой?

Но свой, если что, поймёт и простит. А вот чужого прошляпить не хотелось бы!

Долан тихонько потянул за щеколду, стараясь, чтобы та не звякнула в самый неподходящий момент. Хотя сейчас любой был бы неподходящим. Опыт уверял, что дверь надо открыть максимально резко и неожиданно, но как это сделать, если она ещё и на магию заперта?

Выбить – не вариант. Видел он эти двери: три дюйма металла, спрятанные под деревом. Такую пнёшь – без ноги останешься!

На удачу Долан коснулся замка ключом-арфактумом от кабинета (вдруг подойдёт) – и снова ничего не почувствовал. Совершенно ничего!

Арфактумы в активном состоянии обладали одним неискоренимым свойством: они *ощущались*. Чаще всего очень слабо, едва заметно, но если приноровиться, то лёгкое покалывание в кончиках пальцев ни с чем не спутать. А сейчас – пустота.

Неужели тоже не заперто?

Долго гадать и выжидать Долан не стал. Получится застать лазутчика врасплох – хорошо. А если нет, то куда ему деваться-то? Из хранилища всего два выхода: в общий коридор и в подвалы управления. Далеко не уйдёт!

С этими мыслями Долан рванул дверь на себя, и та легко поддалась.

– Стоять! Ни с места!

Внутри взвизгнули, шарахнулись в сторону и, судя по грохоту, что-то на себя свалили, но разглядеть никак не получалось – в помещении царила кромешная темнота. Местный светлячок, похоже, умер одновременно с кабинетным. Если только их не отключили каким-то хитрым способом.

Или они отключились сами. Светильники, замки-арфактумы, магическая сигнализация, которая тоже безмолвствовала... Интересно!

Лазутчик (а судя по визгу – лазутчица) забилась в угол и старательно пыталась стать незаметной, но её выдавало дыхание: частое, нервное. Испуганное.

– Выходи, – потребовал Долан. – Не заставляй меня применять силу.

В ответ не донеслось ни слова, только дыхание стало ещё более сбивчивым и шумным. Главное, чтобы у неё пистолета не оказалось. А то есть любители палить со страху. Или ножами швыряться.

– Давай так, – как можно спокойнее произнёс бывший милит. – Я сейчас отойду назад, выйду в кабинет. Ты выйдешь следом. Там светлее и просторнее. Спокойно поговорим. Объяснишь, кто ты и что здесь делаешь. Потом решим, что...

Незнакомка не дослушала, отчётливо шмыгнула носом, всхлипнула.

Долан поморщился. Женские слёзы всегда заставляли его врасплох, особенно когда не было уверенности, что они искренние. Вот и что с ней делать?

– На что ты надеешься? Что я побегу за подмогой и выпущу тебя из виду? Или что мне надоест ждать, я закрою дверь обратно и забуду о тебе?

– Нет! – Лазутчица снова всхлипнула. – Не надо, пожалуйста, не закрывайте. Я темноты боюсь.

Голос оказался знакомый. Долан точно слышал его, но никак не мог вспомнить, где. Ну же, девочка, выходи на свет. Может, так понятнее станет.

Но незваная гостья упорно держалась в тени, как сказочное чудовище, спрятавшееся от солнца.

Только какое солнце, ночь на дворе! Да и чудовище не слишком чудовищное. Скорее, котёнок, который натворил что-то запрещённое, но совсем не смертельное. Вазу свалил или штору с карниза сорвал, запутался в ней и сам же больше всех испугался, залез под шкаф и теперь вылезать боится.

Совершенно похоже на шпионку, пойманную с поличным в секретном хранилище.

– Знаешь, я спать хочу, – сообщил Долан незнакомке. – И мне надоела эта игра в прятки. Ну-ка иди сюда.

Он решительно шагнул вперёд.

Лазутчица вжалась в стену, тонко пискнула:

– Не смотрите.

Как будто в такой темноте получилось бы что-то рассмотреть. Долан протянул руку, схватил девчонку за что получилось... Вроде бы удачно, за запястье. Тонкая ткань манжета, метал-

личный браслет, лёгкое покалывание в кончиках пальцев, как будто до арфактума дотронулся. Или даже сильнее, как от магического камня.

Очень знакомое ощущение.

Только вот исходило оно не от браслета, а непосредственно от тонкого прохладного запястья.

Реальность и воспоминания наслаивались друг на друга, слились в одно: хранилище, необходимость ориентироваться в полной темноте, магическая вибрация, неработающие арфактумы, голос. Знакомый голос, слышанный однажды. Пусть тогда он был искажён намотанной на голову курткой, но интонации остались те самые.

Долан не раз думал, кого можно с такой секретностью прятать в Огороде, зачем скрывать портал от общественности и с кем Леда кокетничала на той стороне. И даже придумал, но идея, пришедшая в голову, показалась в тот момент откровенно бредовой. Однако её подтверждение стояло сейчас рядом и тихо хныкало от испуга.

Ничего себе котёночек под шкафом!

Рука разжалась сама собой. И глаза закрылись. Потому что так правильно, так положено.

– Ваше высочество, я... Прошу прощения за своё поведение. Я вас не обижу. И я не смотрю, не бойтесь.

– Вы догадались? – Даже с закрытыми глазами легко представлялось, как принцесса удивлённо моргает.

Долан невольно улыбнулся, но стоило оценить серьёзность ситуации, как улыбка исчезла.

Принцесса. Ночью. В хранилище. Без охраны. Без маски. В слезах.

Попал ты, Виктор. Крупно попал!

– Одну секунду, Ваше высочество. – Долан выбрался из хранилища, отвернулся и только тогда открыл глаза. Залез в платяной шкаф, вытащил оттуда первый попавшийся кусок ткани, оказавшийся лёгким цветастым шарфиком. Ничего, сгодится. – Вот, закройте лицо, пока я не смотрю. Так нам обоим удобнее будет.

– Спасибо. – За спиной раздались тихие шаги, шарф выдернули из руки, по коже снова разлилось ощущение лёгкого покалывания.

Никто не забывал запереть дверь, никто не отключал арфактумы. Они сами вырубались при приближении наследницы престола. И заработают снова, как только она отойдёт подальше. Только вот...

– Простите за чрезмерное любопытство, но как вы сюда попали?

– По тоннелям. Это легко, я уже несколько раз там ходила.

– В темноте? Наощупь?

– Нет конечно. У меня керосинка есть! – Теперь голос принцессы звучал слегка искажённо. Видимо, ткань мешала. – Кстати, можете смотреть. Думаю, я достаточно закрылась.

Долан обернулся. Задрапировалась девушка старательно, но не слишком ловко. Просто кое-как намотала шарф на голову, оставив открытыми лоб и подбородок. Да и щека через просвет виднелась. А полупрозрачная ткань легко позволяла угадать черты лица даже при скудном ночном освещении.

Симпатичная, хоть и зарёванная. Слегка худоватая, но ровно настолько, чтобы это казалось милым, а не болезненным.

При взгляде на неё сразу вспомнилась кукла младшей сестры – дорогая, фарфоровая. Та же густая копна светлых волос, бледное лицо, чуть вздёрнутый нос и синие, совершенно нереального цвета глазки. Долан на неё год деньги копил, выбрал самую красивую, чтобы Янке на день рождения подарить. Всё-таки восемь лет раз в жизни исполняется.

Они даже похожи были – именинница и подарок.

Куклу отец разбил в тот же день. Обиделся, что дочь заигралась и не вышла его встречать. С этого всё и началось...

Этим всё и закончилось.

Долан решительно мотнул головой, отгоняя воспоминание.

– Что с вами? Вам нехорошо? – удивлённо спросила принцесса.

– Ничего, всё нормально.

И вовсе они не похожи!

Это он просто надыхался всякой гадостью, вот и мерещится. А ещё нервы, недосып...

Принцесса, устав стоять, забралась в ближайшее кресло, покрутила в руках конец шарфа.

В сочетании со строгим чёрным платьем разноцветная ткань смотрелась странно.

– Я видела его у Леды.

– Она умерла, – произнёс Долан. И подтянул к себе стул. А что ещё делать? Не торчать же столбом посреди кабинета.

Кресло Леды осталось по ту сторону стола, пустое. Покуситься на него казалось свято-татством.

– Я знаю. Поэтому и пришла. В последний раз. Не думала, что попадусь. – Ночная гостья совсем не походила на принцессу. Никакой напускной важности, высокомерия или снобизма. Обычная девчонка: взволнованная, расстроенная, напуганная. – Раньше я стучалась в дверь, и Леда всегда открывала. Потом ругалась, конечно. Говорила, что нельзя в одиночку шляться по подземелью, что это опасно, что я плохой пример сестре подаю. А я же понимаю всё, просто не могу там сидеть вечно, как в клетке. Вот и сегодня не смогла. И... глупо так получилось... я просто забыла, что больше некому открывать дверь. Пришла, упёрлась в неё, а потом керосинка потухла. Я пыталась снова её зажечь, выронила спички, не смогла найти их в темноте. И так страшно вдруг стало! До ужаса! А тут вы вломились. Как вы догадались, что я – это я?

– Мы знакомы. Ну, почти знакомы. Вы меня видели. Весной, возле вашего дома в Огороде. – Долан запоздало понадеялся, что это всё-таки был дом, а не какой-нибудь замок. Хотя количество коридоров и лестниц в нём сделало бы честь жилому комплексу из нескольких корпусов. – Меня Леда через него проводила. Вы с сестрой ещё смеялись надо мной, а она вас отругала за то, что на улицу без охраны вышли.

– Вспомнила! У вас голова была замотана. Как у меня сейчас, только нормально. Поэтому сразу и не узнала. Простите, что смеялись. У нас там не так много поводов для веселья, вот и приходится радоваться всему, что попадает на глаза. – Принцесса неуверенно улыбнулась, но сразу же помрачнела. Снова всхлипнула, так жалобно, что захотелось немедленно погладить её по голове.

– Нет, что вы. Это правда забавно смотрелось, – торопливо заверил Долан. И запоздало сообразил, что именно расстроило собеседницу. – Я соболезную вашей потере. Очень сочувствую по поводу вашего отца и сестры...

Что там ещё в таких случаях говорят?

Почему в служебные инструкции не включают пункт «Как вести себя с зарёванной принцессой, недавно лишившейся семьи»?

– Вера, – прошептала девушка. – Её звали Вера. Теперь-то уж можно по имени.

– А вас как... То есть я знаю, что не положено, но должен же я как-то к вам обращаться? Или лучше Ваше высочество?

– Нет. Нет, только не так. – Принцесса даже руками замахала. – Не надо сегодня высочеств. Имя... Не знаю, придумайте сами какое-нибудь. Любое.

Из головы, конечно же, немедленно вылетели все имена разом, включая собственное. Осталось только Алина (кто бы сомневался) и Александра (но это уже не смешно).

Ситуация казалась совершенно безумным сном. Нельзя так запросто сидеть в пустом кабинете и при свете уличного фонаря болтать с будущей королевой Истока. Потому что так не бывает!

Но принцесса, похоже, не видела в происходящем ничего странного. Задумчиво дёргала торчащие из шарфа ниточки, шмыгала носом. Потом и вовсе стащила со стола какое-то донесение (вроде бы не секретное) и начала складывать из него кораблик, старательно проглаживая сгибы пальцем. Совсем как...

– Яна?

– Кто такая Яна? – встрепенулась девушка. – Ваша знакомая?

– Моя сестра. Вы похожи.

– Тогда сегодня буду Яной. Одну ночь. Всё равно никто не узнает. Вы же не расскажете?

– Нет, но... Вас, наверное, уже ищут дома?

– Хотите испортить мне настроение? – Кукольное личико принцессы сделалось капризным.

– Ваше высочество, если с вами что-то случится, у всех будут большие неприятности.

– Но ведь со мной всё в порядке! Вы меня защитите!

Долан обречённо кивнул, еле сдерживая зевок.

И не уйти же теперь никуда! Только надеяться, что Ирме понадобится что-нибудь в кабинете. А лучше – Силу. Он начальство, вот пусть сам и разбирается.

Но в коридоре было тихо.

– Поговорите со мной, – попросила девушка. – О чём угодно. Что вы делали в кабинете?

– Забирал кое-что для работы. – Долан кивнул на рулон с планами. Вроде и не тайна, но не рассказывать же в подробностях. Зато... – Ваше высочество, позвольте вопрос?

– Мы же договорились, что сегодня я – Яна! Ладно, задавайте.

Идея оказалась внезапной и немного безумной. Никому даже в голову не могло прийти допрашивать принцессу. Но раз уж она всё равно здесь, так почему бы и нет? Не для протокола, для себя.

Когда ещё подвернётся возможность?!

– Скажите, кто из вашего окружения заранее знал, что Его Величество с наследницей собираются в музей?

– Да многие, – пожала плечами девушка. – Господин Байсер, например. Это королевский распорядитель, он всегда всё знает: и что на обед, и какое платье надевать, и куда мы идём. Только мы не так часто куда-то ходим, в основном по официальным поводам. Праздник там, торжество какое-нибудь – это да, непременно надо идти. А просто так погулять редко получается. Понимаете, отцу очень сложно инкогнито из дома выбраться. От него же магией фонит футов на сорок. Фонило то есть. Не как от меня сейчас, а намного сильнее.

– Потому что он старше?

– Нет, оно не от возраста зависит. Просто меня ещё не короновали официально. После ритуала сила вырастет. Если я его переживу.

– Разве может быть иначе?

Всё, что Долан знал про коронацию, сводилось к тому, что наследник престола совершает какой-то магический обряд, и сила Истока официально принимает его как своего носителя.

Но это же не опасно. Не должно быть опасно!

– Всякое бывает. Последние несколько коронаций обходилось без инцидентов, зато лет двести назад один за другим погибли сразу четверо наследников. Правда, говорят, что гибель четвертого подстроил его же собственный брат, но это неподтверждённая информация. Что вы на меня так смотрите?

– Извините. Просто впервые об этом слышу.

– Хорошо вам! А нас с Веркой заставляли всё это учить наизусть. Даты, имена, кто кого в каком году убил, кто за кем наследовал, кто с кем спал. Не знаю зачем. Может, чтобы поняли, что каждый наш шаг точно так же записывают для потомков, и если оступимся, то это непременно станет известно. Знаете, жизнь под наблюдением – это совсем не весело.

Долан кивнул. А что тут ещё скажешь? Действительно, мало приятного. Это он ещё в казарме понял, когда только-только в милитское училище поступил. Подъём по сигналу, отбой по команде, и никакой личной жизни.

– Вам не казалось что-то подозрительным в поведении слуг или охраны в последнее время? Может быть, в день трагедии, накануне или после?

– В поведении – нет. Всё как всегда. – Прозвучало это как-то очень уж уклончиво. И если дело не в слугах, то...

– А в чём тогда? Что вас беспокоит?

– Сны. – Девушка вскинула на собеседника глазищи. – Что, тоже будете говорить, что это глупости?

В вещие сны и прочие туманные предчувствия Долан не верил, но не спорить же с будущей королевой. Поэтому он ответил как можно тактичнее:

– А что именно вам снилось?

– Ничего конкретного. Просто страшно было очень, как будто на меня падает какая-то большая штука, а я не могу её удержать. И вода. Всё вокруг в воде, и я под водой. И задыхаюсь. Глупости, в общем, всякие. Папа сказал, что нечего спать носом в подушку, тогда и задыхаться не буду. И что нет в этом никакой магии, просто я впечатлительная. А я, знаете... Я правда впечатлительная. Но я так испугалась в тот момент, что потом всю ночь заснуть не могла. И утром всё из рук падало. Ну я и сказала, что ни в какой музей не пойду, дома останусь.

– Погодите! То есть вы тоже должны были идти туда?

– Да. Семейный выход, экскурсия, выездной урок истории – как хотите, так и называйте. Музей специально в тот день закрыли, чтобы никаких посторонних. А то, знаете, когда у людей внезапно арфактумы перестают работать – они очень пугаются. Или начинают догадываться и приглядываться к окружающим. Как вы.

– Ага... – невпопад ответил Долан.

Арфактумы! Вот оно что!

Сигнализация в музее магическая или механическая? Если магическая, то в присутствии короля она просто отключилась, потому и не сработала. И воспользоваться этим мог практически кто угодно.

Возникшую идею хотелось проверить немедленно, но возможности не было. И даже записать нечем. Пришлось повторить про себя несколько раз, чтобы не забыть.

– Вы меня не слушаете, – грустно сообщила принцесса.

– Извините.

– Хотите побыстрее от меня отделаться?

– Нет, что вы, – запротестовал Долан, но девушка в ответ только рассмеялась.

– Думаете, если я в Огороде выросла, то совсем в людях не разбираюсь? Зря вы это. Ещё как разбираюсь, меня учили.

– Психологи? Или социологи какие-нибудь?

– Лучше. Леда. Вот уж кто всех насквозь видел, и меня в том числе.

– Вы были близки?

Ответ казался очевидным, но осознавать его было странно. Всё-таки между обычным человеком (пусть даже и главой разведки) и королевской семьёй – пропасть. Широкая и бездонная. Но то, как покойная начальница общалась с принцессами и их отцом, явно выходило за пределы рабочих отношений.

Фальшивая Яна поставила бумажный кораблик на стол. Подвигала его туда-сюда, словно играясь. Только глаза остались грустными.

– Ближе, чем с мамой. Наверное, нехорошо так говорить, неправильно. Но для мамы я всегда была просто обязанностью, служебным долгом. И папа тоже. Ей сказали замуж за него выйти – она вышла. Сказали ребёнка родить, а лучше нескольких – родила. А про то, что

детей и мужа ещё и любить надо, ей сказать забыли. Мы и виделись-то только на официальных приёмах, она даже жила отдельно. Потом умерла, и даже как-то легче стало. А Леда – наоборот. Она должна была заниматься только нашей безопасностью, а занималась в итоге нами. Нами всеми. Играла, разговаривала, безделушки всякие приносила. Драться учила. О других мирах рассказывала. Мне её не хватает.

– Мне тоже, – сознался Долан. Само существование старой разведчицы дарило уверенность, что все проблемы решаемы. Теперь эта уверенность исчезла, а на смену ей пришло ощущение, что всё вокруг рухнет и небо вот-вот упадёт на землю.

– Расскажите, как она умерла? – Кораблик качнулся и завалился набок. – Мне же ничего не говорят. Берегут от тяжёлых новостей. Или просто в расчёт не принимают.

– Во сне. Говорят, сердце остановилось. Проверили всё что можно: и на магические воздействия, и на яды всякие, но ничего не нашли. Видимо, действительно сама. От старости.

– Понятно, – вздохнула принцесса таким тоном, словно ей действительно что-то стало понятно. – Жили они долго, не слишком счастливо и умерли почти в один день.

Долан промолчал. А что тут скажешь?

Рядом с королём он находился не больше двух минут, но даже за это время они с Ледой успели переброситься весьма многозначительными фразами. Глупо думать, что люди, годами живущие по ту сторону портала, оказались менее наблюдательными.

Но есть такие факты, о которых лучше не знать. А если уж каким-то чудом узнал, то хотя бы не думать. Целее будешь.

– Тот мальчик, который теперь будет вместо неё... – Ночная гостья заминки, кажется, не заметила. – Я его видела мельком. И он так смотрел... как будто я сделала что-то плохое.

– Он на всех так смотрит, не берите в голову. И, кстати, этому «мальчику» сорок с лишним.

– Я знаю. Леда давно о нём рассказывала. Говорила, что если с ней что-то случится, то он единственный, кому можно доверять. Но знакомить нас почему-то отказалась. И теперь я не знаю, как быть. Он меня пугает.

– Он не причинит вам вреда.

– Я хочу в это верить. Но всё равно боюсь.

Девушка отодвинула кораблик и взяла новый лист. В этот раз она складывала самолётик.

Долан следил за точными, уверенными движениями и не мог отделаться от мысли, что уже видел такое.

Остатки посторонних ароматов из головы наконец-то выветрились, и теперь он знал совершенно точно: Янку принцесса напоминала скорей на уровне ассоциаций и ощущений. Зато сходство с ещё одним человеком оказалось прямо-таки портретным. Даже поправку на пол и возраст можно не делать. Те же глазницы, те же светлые волнистые волосы, та же осанка, те же жесты.

Та же самая привычка складывать из документов эти дурацкие самолётики!

Откуда она вообще в своём Огороде знает, как они выглядят? Тоже Леда показала?

Неважно. Ещё один факт, о котором лучше не знать.

Да что ж за ночь такая!

– Почему вы так странно на меня смотрите? – отвлеклась от бумажных забав принцесса. Затылком взгляд почуяла, что ли?

Шарф окончательно сполз вниз, открывая лицо.

Действительно один в один. Разве что Силь ростом чуть пониже.

– Пожалуйста, Ваше высочество, больше никогда не появляйтесь в управлении без маски.

– Опять «высочество»...

– Я не шучу. Пожалуйста. Это очень важно.

– Да знаю я! Что вы со мной как с ребёнком? И про маску знаю, и про обязанности, и что домой пора. И про то, что нельзя так вот запросто болтать с посторонним человеком – тоже знаю. Но можно я тут с вами ещё немножко посижу? Совсем чуть-чуть.

– Почему вы не хотите возвращаться? – осторожно спросил Долан.

– Страшно, – поколебавшись, ответила принцесса.

– Страшно по коридорам в темноте идти? Или что будут ругать?

– Кто посмеет меня ругать? Хотя господин Байсер посмеет, конечно. Но он уже старый, ему можно. И, надеюсь, он уже спит. А коридоры... Сто раз по ним ходила. С керосинкой не страшно.

– Тогда чего вы боитесь?

– Смерти. – Девушка произнесла это легко и беззаботно. Но потом вдруг сжалась в кресле и разрыдалась. С одного настроения на другое она переключалась легко, как театральная актриса. Только в её случае игрой и не пахло. – Меня хотят убить, понимаете? Папу убили, Веру убили. Я следующая!

– Дома вам совершенно ничего не угрожает. Там надёжные люди, никого постороннего. – Долан понятия не имел, так ли это. Но если бы членов королевской гвардии и слуг отбирал он, то непременно проверил бы всех несколько раз. И магическую клятву принести заставил. А лучше парочку, для верности.

– Вот и Леда то же самое говорила. Мол, она за этих людей головой ручается. Но мне страшно, понимаете? Страшно! Я спать не могу! Я не хочу быть королевой и жить с этим внутри, носить это в себе! Не хочу! Я так обрадовалась, когда Вера родилась. Что есть младшая, что ей всё достанется, не мне. А я буду свободна от источника! Смогу жить как нормальный человек. Как живой человек, а не как функция, понимаете?

Долан понимал, хотя смысл некоторых фраз остался неясен. Возможно, потому что принцесса говорила сквозь слёзы, глотала слова. Вспомнила про шарф, уткнулась в него, вцепилась зубами, но рыдания всё равно прорывались наружу.

Не аристократичные слезинки, которые изящно промокают платочком, а полноценная истерика человека, который слишком долго терпел и всё-таки не выдержал.

В следующий момент Долан обнаружил себя рядом с принцессой, и она ревела уже в него, прямо в рубашку. А он гладил её по спине, по голове и монотонно шептал утешительные глупости типа «Всё будет хорошо» и «Вот увидишь, всё наладится».

Оба они не слишком понимали, что может в такой ситуации наладиться, но искренне пытались в эти слова верить. Цеплялись за них, как за страховочный трос. Один тащит, вторая висит и изо всех сил пытается не сорваться в бездну.

– Ну всё, Ян, всё, – проговорил Долан и отодвинулся, почувствовав, что истерика пошла на спад. И только тогда сообразил, что именно сказал и сделал. – Простите, Ваше высочество. Я, наверное, все правила этикета нарушил.

– И правильно, что нарушили. – Принцесса неуверенно улыбнулась. – Спасибо. Большое спасибо. Может, я тоже могу что-то для вас сделать? Хотите ко мне в личную гвардию?

Когда-то в детстве Долан пришёл бы от такого предложения в невыразимый восторг. Кто ж не хочет! Королевская гвардия – это же ого-го! Даже круче, чем милиция, хоть и без камней!

– Нет, спасибо, мне и на своём месте неплохо.

– А кто вы? Глупо звучит, но я же ничего не знаю о вас, даже имени. Какой-нибудь очень важный агент, да?

– Меня зовут Виктор Долан. И в основном я просто сижу в кабинете и разбираю бумажки. Ничего интересного.

– Врёте! – вынесла вердикт принцесса. – Наверное, не просто агент, а ещё и засекреченный, вот и врёт. Но я вам всё равно благодарна. А сейчас мне действительно пора идти.

– Я провожу.

– Не надо, я привыкла одна. А вы без меня на обратном пути можете и заблудиться. Лучше помогите керосинку зажечь.

Долан, конечно, помог. И подумал, что надо по возможности притащить из технологических миров нормальный фонарик, работающий без магии, чтобы девчонка не страдала зря. Ну и пусть контрабанда. Кто поймает-то? Люди, вон, машины привозят – и ничего, мир не рушится.

О том, что принцесса отошла на достаточное расстояние, возвестил зажжённый светлячок. Долан немного попялился на него, прикидывая, чем может грозить ночной визит монаршей особы, но так ничего умного и не надумал. Девчонка испугалась, психанула – ничего, бывает. Главное, чтобы до Огорода добралась без проблем.

Магический замок среагировал на закрытие как положено: слегка завибрировал. Вот теперь всё в норме. Можно и спать наконец-то!

Но на пути к дивану внезапно обнаружилось ещё одно препятствие: у дверей родного кабинета караулил Ракун. Магос стоял, привалившись к стенке, думал о чём-то своём и выглядел вполне расслабленно, но на звук шагов сразу же вскинулся, насторожился.

– А, явился наконец-то!

– Ты что тут делаешь? – удивился Долан.

– Да ничего. Шёл из тира, решил зайти.

– Ночью?

– Так ведь ты всё равно не спишь!

– Как раз собирался.

– Вот и молодец. Я надолго не задержу. Всего один вопрос как бывшему милиту. Чисто теоретический.

– Выкладывай, – махнул рукой Долан. Другого способа избавиться от Ракуна он всё равно не видел. Не силой же его выпроваживать.

Магос не торопился. Дисциплинированно дождался, пока Долан откроет кабинет, зашёл внутрь, убедился, что нет посторонних, активировал пару арфактумов (защиту от прослушки ставил, что ли?) и только тогда спросил:

– Где у вас принято держать важных государственных преступников до объявления приговора? Причём держать не слишком официально, потому что не факт, что суд и приговор вообще будут. Некое укромное место, где заключённые не особо контактируют друг с другом и внешним миром.

– И всё это чисто теоретически?

– Конечно. Так знаешь или нет?

– Теоретически – знаю. – На ум приходило только одно место, подходящее под заданные параметры. Может, существовали и другие, но простым милитам о них не сообщали. Да и про это предпочитали молчать, но целое здание с людьми скрыть сложно.

– Тогда рассказывай. В подробностях.

– Во что ты опять ввязался, Эллерт?

– Тебе какое дело? – огрызнулся Ракун.

Значит, действительно ввязался. И совсем не теоретически.

– Если тебя прибудут, Алина расстроится. А ей сейчас и так нелегко.

– Ой, какие мы заботливые. – Сумасшедший енот растянулся на диване прямо в сапогах, и Долан еле удержался от комментария, что он вообще-то здесь спит. Но всё же промолчал, потому что магос вдруг стал неожиданно серьёзным. И попросил тихо, почти вежливо: – Мне правда больше некуда с этим пойти. А очень надо. Ну же, не жмись!

Долан зевнул. И рассказал, конечно. Что ему ещё оставалось?

Заснуть удалось лишь под утро, зато сразу же и крепко. Снилось Яна. Настоящая. Бес-
кровное лицо среди осколков разбитой куклы.

Кто бы сомневался.

Глава седьмая, в которой говорят о социальном неравенстве

Цера заворочался под лавкой: наружу показалось сперва крыло, потом кончик хвоста.

– Хватит там сидеть! Я не для того тебя сюда притащила. Иди гуляй. – Алина наугад пихнула марта ногой. В лодыжку немедленно ткнулся влажный нос, но целиком вылезать зверь не захотел – его и так всё устраивало.

Алину, в принципе, тоже. Ночью в школьном парке было уютно: небо, звёзды, свежий воздух, монотонный стук, с которым мелкие насекомые тыкались в единственный на всю округу фонарь, а главное – никаких людей. Преподы давно разошлись по домам, за студентами бдрили коменданты.

Точнее, пытались бдить, но некоторые всё равно умудрялись сбежать от надзора.

– Бред какой-то! – нарушил блаженную тишину зычный голос одного из Фелтингеров. – И что нам теперь делать?

– Да не знаю я! Придумай что-нибудь, ты же младший, – немедленно откликнулся второй.

– Обычно как раз старшие берут на себя ответственность.

– Не в этом случае. Твоя проблема – ты и разгребай.

– Общая проблема.

Голоса приближались. Алина машинально вжалась в лавочку, стараясь казаться незаметной. То, что в прошлый раз разговор получился мирным, не означало, что застарелая вражда испарилась. Мало ли что близнецам в голову взбредёт.

Зато Цера вдруг выскочил из своего укрытия и бросился наперерез братьям. Те встретили его появление радостными воплями.

– О, старый знакомый! Что, зверёныш, удрал от хозяйки? Или она тебя выгнала за то, что в туфли нагадил?

– Это у вас хомяк в туфли гадил, а Цера – приличный. Мы гуляем! – не выдержала Алина.

– По ночам, украдкой? Тебе его совсем не жалко? Он же вон какой здоровенный, ему бегать надо. И летать. – Прим поворошил марту шерсть на загривке, и тот довольно заурчал.

– Летать он не может, крылья подрезаны.

– И что, так и таскаешь его туда-сюда мимо коменданта на руках? А кормишь чем? Пирожками из буфета?

– Нет, любопытными однокурсниками. Собственноручно разделяваю, потрошу, а остатки продаю в столовую на суп, – огрызнулась Алина.

Вопрос про еду неожиданно попал в самую точку. Цера ел всё, до чего мог дотянуться, в том числе конспекты, носки, придверный коврик и ножки стола, и новая хозяйка начала всерьёз подозревать, что полное имя у него Цербер. Или Трицератопс.

Но это явно была не та пища, которой стоило кормить марта.

– Дура, есть же корм специальный, в банках продаётся и в коробках. В зоомагазин зайди, да и всё. У вас во внешних мирах что, совсем с домашними животными обращаться не умеют?

– Умеют. Просто... Я же надеялась, что найду родственников его хозяина – и отдам.

– И что? Не нашла?

– Повесила пару объявлений на столбы – никто не откликнулся. Может, и не осталось никого.

Был и более лёгкий способ отыскать владельцев марта: спросить у Долана. Списки погибших и их адреса у него наверняка есть, а если и нет – сможет раздобыть. Но это же надо идти и спрашивать. Смотреть ему в глаза и извиняться. Или не извиняться (не её же вина, что кто-то про день рождения забыл, а потом ещё и глупость сморозил!), но всё равно чувствовать себя

глупо и неловко. И с каменным лицом слушать лекцию о том, что нельзя держать в общаге чужое животное и что если некому вернуть Церу, то надо сдать его в приют.

Сдавать не хотелось.

Возвращать не хотелось.

Хотелось и дальше сидеть по ночам в парке, а потом засыпать, чувствуя под рукой тёплую мягкую шерсть, и не видеть больше во сне никаких взрывов, магических поединков, чужой крови. И не чувствовать так остро собственное одиночество и бессилие.

– Эй, внешка, ты ещё здесь? Или окончательно переселилась из суровой реальности в мир грёз? – Старший из братьев помахал перед лицом Алины рукой и, заметив, что девушка не реагирует, щёлкнул её по носу.

– Отвалите вы, а? Чего привязались?

– Да просто мимо шли, – миролюбиво ответил младший. Но уйти и не подумал, наоборот, уселся рядом на лавочку почти вплитирку к однокурснице. С другого бока немедленно подсел Прим.

Зажатой с двух сторон Алине только и осталось, что настороженно переводить взгляд с одного парня на другого. Вставать она даже не пыталась – ясно же, что не выпустят.

А Цера вертелся в ногах, совершенно не деля их на хозяйские и чужие. Март ластился ко всем, и к Фелтингерам даже немножко больше. Предатель!

Сек нагнулся, потрепал зверя за ухом, и Алина всё-таки решилась спросить:

– И долго вы так сидеть будете?

– Пока не решим.

– И что решаете? Уравнение с тремя неизвестными и квадратным корнем?

– Типа того.

Что бы братья ни обдумывали, делали они это молча, даже не переглядывались между собой. Как будто между ними тянулась незримая телепатическая связь и весь разговор шёл на мысленном уровне.

Но это вряд ли, конечно. Не существовало таких арфактумов, чтобы мысли читать. С помощью магии Устья можно было бы попробовать. Но не в сердце Истока же!

Да и не было теперь у Алины той силы. Всё, кончилось могущество. Пару раз всего и воспользовалась. Пару раз всех спасла. И хоть бы кто спасибо сказал...

Сек выпрямился, резко выдохнул, хлопнул ладонями по коленям. Видимо, решил-таки своё уравнение. Прим тоже встрепенулся, посмотрел на брата:

– Думаешь, стоит ей сказать?

– А кому ещё? Больше некому!

«Сказать», – мысленно повторила Алина.

Звучало совсем не страшно и на очередное издевательство не похоже.

– Слышь, Эллерт, а твоя тётка правда в разведке служит? – торопливо, словно боясь передумать, начал Прим.

– Откуда вы знаете?

– Можно подумать, это такая уж тайна! Она каждый день туда ходит. И ты иногда тоже.

– Вы что, следили?

– Вот делать нам больше нечего! Просто видели случайно. У нас там родня неподалёку живёт.

Алина припомнила дома, стоящие вокруг управления. Престижный район, самый центр Истока, старинные здания. Чаще всего в них располагались правительственные организации или достопримечательности, типа того же взорванного музея. Хотя обычные жилые дома тоже встречались, и каждый выглядел как маленький дворец. А стоил, наверное, как большой.

Ничего себе у Фелтингеров родня!

– Ну, допустим, работает она там. И что?

– И то! Передать кое-что надо. – Прим понизил голос до шёпота. – Мы знаем, кто взорвал короля.

– Догадываемся, – поправил Сек.

– Подозреваем.

Хоть как-то среагировать на это известие Алина не успела, потому что на парковой дорожке раздались быстрые шаги. Прежде, чем Фелтингеры успели отстраниться от однокурсницы и убрать с лиц заговорщическое выражение, к лавочке подбежала Лиза и, не успев толком отдышаться, накинулась на близнецов:

– А ну отстаньте от неё! Что вы прицепились к человеку?!

– Тихо-тихо, никто твою подругу не трогает, – миролюбиво вскинул ладони Сек. – Она сама решила с нами пообщаться. Скажи же, ну!

Алина получила локтем в бок и торопливо закивала:

– Мы просто разговаривали. Всё нормально.

– Знаю я, чем такие разговоры заканчиваются! А ну отпустите её!

– Да кто держит-то? – возразил Прим, и они с младшим братом синхронно сдвинулись в стороны. – Забирай, если хочешь. Только она сама с тобой не пойдёт.

– Это ещё почему? – Лиза нахмурилась, подозревая подвох.

– С нами интереснее, – хохотнул Прим. – Так ведь, Эллерт?

В этот раз Алина успела увернуться, и чужой локоть не ткнулся в рёбра, а лишь скользнул вдоль них. Но на ответ это не слишком повлияло.

– Лиза, знаешь... Спасибо, что беспокоилась, но у меня правда всё в порядке. Ты иди. Мы договорим – и я тоже приду.

– Через пять минут комендант дверь запрет. Опоздаешь – придётся объяснительную писать.

– А она у нас переночует. – Фелтингеры жили на первом этаже, поэтому двери обычно игнорировали, предпочитая ползать через окно в любое время дня и ночи.

– Да я скорее прямо тут на лавке спать лягу! – поморщилась Алина.

– Ладно, оставайся здесь. Церу только нам отдай – чего зверю лишний раз страдать от того, что у него хозяйка дурная.

– Сами вы дурные! Вам не то что марту – таракана доверить нельзя.

– Зачем нам твои тараканы, у нас своих хватает! – Прим выразительно постучал себя по голове, покрытой короткими, едва начавшими отрастать волосами.

Бритые затылки остались в прошлом, что, по мнению Алины, пошло парням только на пользу. Почти симпатичными стали. И ещё чуть более разными. Даже в неровном фонарном свете было заметно, что волосы у старшего немного темнее. А глаза, наоборот, светлее. Бледно-голубые. А у Сека – почти синие. Забавно. Вот вам и близнецы!

– Так! – повысила голос Лиза. – Вы что-то от меня скрываете?

Все трое дружно замотали головами, прекрасно осознавая, что в этот момент стали выглядеть ещё более подозрительно.

Лиза промолчала, но вся как-то сникла. Даже косички безвольно повисли.

– Прости, – выдавила Алина.

И поняла, что просто не сможет сейчас остаться с Фелтингерами. Узнать, кто устроил взрывы, – это, конечно, важно. Но обманывать подругу... Единственную подругу в этом мире, которая всегда готова помочь и поддержать...

Нельзя так! Не по-человечески!

Алина устала от тайн, от постоянных недомолвок, подписок о неразглашении, от невозможности поделиться мечтами, страхами и проблемами. Но одно дело – чужие секреты, раскрытие которых может кому-то навредить, и совсем другое – слухи, принесённые однокурсниками. Что плохого, если их ещё кто-то услышит?

Лиза отвела взгляд, явно собираясь уходить, и Алина не выдержала. Вскочила, ухватила подругу за руку и объявила:

– Говорите при ней. Или я тоже уйду!

Фелтингеры нерешительно переглянулись. Сек задумчиво почесал нос.

«Скажут», – отчётливо поняла Алина. Не хотят, но всё равно скажут. Им почему-то очень надо поделиться информацией. Настолько, что ради этого можно и Лизу потерпеть.

Впрочем, «потерпеть» – не слишком правильное слово. К отличнице из Викены братцы всегда относились вежливо и нейтрально, что в их случае означало «очень хорошо». Вот и сейчас их лица постепенно смягчались, напряжение и нерешительность уступали место азарту.

Прим, в полном соответствии с именем, сдался первым:

– Ладно, можно и при ней. Всё равно ж потом растреплешь. У вас, девок, вечно языки без костей!

– Язык – это мышца, в ней кости вообще не предусмотрены, независимо от пола, – блестя эрудицией Алина.

– Есть у нас один знакомый: по три серёжки в каждом ухе, одна в носу, и в языке тоже штырь, причём именно костяной. Так что всякое бывает, – сообщил Сек и сдвинулся ещё немного, освобождая место на лавке. – Садитесь обе сюда, не орать же на весь парк.

Лиза неуверенно улыбнулась, шагнула вперёд – и снова остановилась.

– Ну что теперь? – нахмурился старший из братьев. – Два раза приглашать не будем!

– Извините. Просто не мог бы ты отсесть ещё чуть-чуть подальше. Иначе я окажусь к тебе слишком близко, а это... ну, неприлично. Ты же мужчина.

– Ох уж это викенское воспитание, – хмыкнул Прим. Но действительно отодвинулся, и даже не чуть-чуть, а на самый край. И язвить не стал. Вообще неслыханное дело!

– Вас обоих точно не подменили? – Алина усадила Лизу посреди скамейки, а сама кое-как впихнулась на свободное место. Её парень под боком не особо смущал. Если бы он драться полез – другое дело. А сейчас вроде как мирные переговоры.

– Разъяснили перспективы и поставили ультиматум, – туманно ответил Сек. И кивнул старшему брату: – Давай!

Тот задумчиво покусал нижнюю губу, прикидывая, с чего начать:

– Мы же вечные нарушители спокойствия. Ну, вы в курсе. А в школе сейчас тишина. Чуть ли не единственное тихое место в Истоке. Поэтому мы пошли погулять...

– Докопаться до кого-нибудь незнакомого, – перевела Алина.

– Погулять, – стоял на своём Прим. – И нарвались на драку. Случайно. Мы её даже не начинали. Просто увидели, что какие-то мужики толпой двух пацанов бьют. А один из них оказался наш, с третьего курса. Вы его, может, даже знаете – высокий такой, длинноволосый, заикается, Эриком зовут.

Лиза кивнула – она вообще, кажется, всех обитателей школы знала.

Алина покачала головой. Длинноволосого Эрика она если и видела, то не запомнила.

– В общем, мы решили за своих заступиться. А то не по-товарищески же. Навалили этим типам да смылись оттуда, пока милиты не нагрянули. Все вчетвером смылись. Ну и спрашиваем этих двоих, за что их так приложили. И тут второго, который не Эрик, прямо прорвало. Сначала кричал, что, мол, пострадал за справедливость и свободу слова, потом начал вещать про равенство, про то, что вся власть принадлежит магам, а это неправильно, что всё должно быть по справедливости, что обычные люди тоже имеют права... Такие вот идеалистические штуки, в общем. И так разошёлся: глаза горят, руками размахивает, слюни изо рта брызжут. Мы на него смотрим, смотрим... Как на дурака, короче. А он не понимает, всё лозунги декларирует. Ну Сек ему намекнул. Типа, братан, это ты всё интересно говоришь, но мы вроде как тоже маги. И друг твой, кстати, тоже. А Эрик так на нас вылупил, как будто мы что-то глупое сказали. И туда же: «Вы просто не понимаете, он всё правильно говорит!». Придунок патлатый!

– Почему придурок? – удивилась Алина. – В равенстве же нет ничего плохого. И то, что всем маги заправляют – это ведь правда не слишком хорошо.

– Ещё одна идеалистка, – фыркнул Сек.

– Нет, я серьёзно! Нельзя принижать людей только потому, что им камня не досталось. Да даже в магических семьях чаще всего один-два камня на весь род. И если кому-то повезло, это не значит, что остальные ущербные.

– Никто и не принижает!

– Да ладно! Если в магазин заходят расфуфыренная магисса и обычная девушка – угадай, кого обслужат первым? А если в каком-нибудь суде маг с обычным человеком схлестнётся, кто выиграет?

– У кого денег больше.

– А у кого их больше? У кого больше возможностей заработать? У кого в родственниках и знакомых вся знать Истока вплоть до королевского двора?

– Тихо, не кипятись. – Лиза дёрнула подругу за рукав. – Ты права, но они ведь не о том говорили. Пусть закончат.

Алина поспешно замолчала. Сама не ожидала, что её понесёт в такие дебри, но некоторые вещи в Истике действительно очень бесили. И ещё больше бесило, что близнецы смотрели на неё с ироничным покровительством, как взрослые на маленького неразумного ребёнка, который возмущается, что вода мокрая, а огонь жётся.

Очень хотелось посмотреть на них в ответ, но братьев было двое и сидели они на разных концах лавки. А смотреть одновременно в две стороны Алина не умела и учиться не стремилась. Поэтому пришлось смотреть на Церу. Март, поймав взгляд, подошёл ближе и доверчиво положил голову хозяйке на колени. Почеши, мол. Пришлось чесать.

Прим тоже не удержался, потрепал зверю уши, Лиза погладила по спине и крыльям, Секу достался хвост.

Хрупкий мир был восстановлен.

– Мы им и сказали: «Если обычные люди такие угнетённые, то они должны были вас за такие слова на руках носить, а не бить всем кагалом». – Прим закончил с ушами и переключился на холку. Цера довольно заурчал. – Так знаете, в чём дело? Эти два дебила лозунги писали на стенах. Раз написали – жильцы покрасили. Другой раз написали – жильцы опять покрасили. Кому ж понравится, когда на их домах провокационную дичь пишут! А на третий раз они просто подкараулили этих пропагандистов и отметили. Ну, попытались то есть, но мы помешали. И тут Сек решил выпендриться!

Младший брат издал нечто среднее между смешком и смущённым покашливанием, и сходу расшифровать такую реакцию у Алины не получилось.

Зато Прим совершенно точно понял, что до него пытались донести, но отступить и не подумал:

– Нет-нет, пусть все знают, что это была твоя идея! В общем, он им сходу накидал десяток вариантов, как можно вести пропаганду, не настраивая местных против себя. Листовки там всякие, митинги, благотворительные фонды, гуманитарная помощь, скрытая реклама... Эрик аж рот разинул. А дружбан его сначала просто заткнулся, потом задумался, а потом и спрашивает: «А может, вы нашему главному всё это расскажете?» И мы такие: «Да, конечно, хоть сейчас!» Любопытно же, что там за главный. Ну и притащили они нас в свой штаб. Квартира какая-то обшарпанная, тут недалеко. Выслушали нас. Похвалили за сознательность. Предложили поучаствовать в ближайших акциях, но что за акции, так и не уточнили.

– А вы что?

– Сказали, что подумаем. Непонятно же, зачем звали: надписи рисовать на стенах или дома взрывать. Надписи-то мы можем, а вот остальное...

– Так может, они к взрывам и отношения никакого не имеют? – Алина снова поймала себя на том, что сколупывает коростинки на запястье, и зажала ладони между коленями. – Они же вроде за равенство и справедливость. Вполне мирные намерения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.